

Мира Ле

A woman with dark hair, wearing a maroon dress, stands in a wedding hall. She holds a clipboard and a smartphone. The background is a large archway decorated with white and red flowers. In the distance, a bride and groom are visible.

Свадьба моего бывшего

Тридцать дней до свадьбы,
которая изменит всё.

Мира Ле

Свадьба моего бывшего

<https://litres.ru/74177439>

SelfPub; 2026

Аннотация

Спланировать чужую свадьбу мечты? Для Риты это обычная работа. Гораздо сложнее, когда женихом оказывается мужчина, который три года назад оставил её у алтаря.

Рита умеет создавать идеальные счастливые финалы. Её агентство собирает свадьбы до последней детали, хотя в собственную любовь она больше не верит. Макияж, рабочая улыбка, список дел на триста пунктов. Всё под контролем. Почти.

Один крупный контракт может спасти агентство от банкротства. Заказчик уже знаком. Слишком хорошо. Рядом с ним его будущая жена, которая с первого взгляда решила превратить жизнь Риты в кошмар.

До свадьбы года остаётся тридцать дней. За это время Рите придётся пережить встречи с бывшим, разобраться с его холодным братом и зачем-то изображать его невесту. Тот самый брат, между прочим, собирается отобрать у неё здание.

Рита никогда не сбегала из-под венца. Обычно уходили от неё. Интересно, кто сорвётся первым на этот раз?

Содержание

Глава 1. Счастливый конец	4
Глава 2. Заказ мечты	7
Глава 3. Смотрины	13
Глава 4. Ликвидатор	19
Глава 5. Правила	25
Глава 6. Отказ	31
Глава 7. Условие	37
Глава 8. Как взрослые	43
Глава 9. Кольцо	49
Глава 10. Примерка	56
Глава 11. Легенда	62
Глава 12. Ужин с врагом	69
Глава 13. Петля	75
Глава 14. На камеру	81
Часть 2. Как настоящая	87
Глава 15. Соседи	87
Глава 16. Зубная щётка	93
Глава 17. Завтрак	98
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Мира Ле

Свадьба моего бывшего

Глава 1. Счастливый конец

За девяносто секунд до марша у невесты отрывается пуговица на спине, и я держу четыре булавки во рту. Улыбаться с булавками нельзя. Работать можно.

— Выдохните, Вероника.

Атлас сходится, я закалываю шов так, что его не найдёт даже свекровь с лупой, и выплёвываю булавки в ладонь. В сумке у меня живёт полевой госпиталь: нитки, пятновыводитель, валидол для отцов. Чужие катастрофы я лечу за минуту.

Киваю Соне за колонной. Музыку.

Марш. Двести гостей встают разом, скрипят стулья, Вероника плывёт по дорожке, которую я в три часа ночи переклеивала своими руками, потому что монтажники перепутали белый с айвори. Жених ждёт у арки и смотрит на неё так, что хочется выставить отдельный счёт: такой взгляд в смету не входит. Это бонус.

Красиво. Красиво я делаю лучше всех в этом городе.

В кармане вздрагивает телефон. Этот вздрог я знаю наизусть: банк напоминает о задолженности нежно, как хирург

о наркозе. С тех пор как Морозовы отменили свадьбу и сорок один процент моего годового оборота, здание на Мясницкой висит в залоге. Банк дышит мне в спину ровно, терпеливо, по графику.

Потом. Сейчас у Вероники счастливый конец. Оплачен по смете, поставляется точно в срок.

— Согласны ли вы... — начинает регистратор.

Согласна. Согласен. Кольца, поцелуй, лепестки по моей отмашке. Зал выдыхает одним тёплым зверем, бабушка в третьем ряду плачет в салфетку, которую я туда положила утром. Всё здесь идёт по моему списку. Кроме любви. Любовь клиенты приносят с собой.

Я стою сбоку, в чёрном, с наушником в ухе. Хороший организатор невидим, как булавка в подоле.

Три года назад я стояла в белом посреди точно такого зала. Дальше рассказывать особо нечего: оркестр два часа играл вступление, а жених так и не вышел на сцену.

Сама я из-под венца не сбегала. В этом жанре у меня другая роль.

Вероника целует мужа второй раз, уже не по протоколу, и я разрешаю себе секунду просто постоять. У них тепло. Похоже, настоящее. Пусть будет.

Соня показывает из-за колонны два больших пальца и одними губами выводит: идеально. Ей двадцать четыре, она верит, что всё это правда, и я её не разубеждаю. С верой работается легче.

Телефон вздрагивает в третий раз. Слышу, банк, слышу. Завтра тендер на свадьбу года. Возьму его, и ты получишь свои деньги и оставишь мою Мясницкую в покое.

Три года назад я стояла у алтаря одна. С тех пор стою у чужих и слежу, чтобы никто не остался один. Свой звёздный час наступит строго по смете.

Осталось выжить до него.

Глава 2. Заказ мечты

Кристина из «Белого лебедя» подкрашивает губы третий раз за десять минут. Значит, нервничает сильнее меня. Уже приятно.

Мы сидим в приёмной на двадцать первом этаже, между нами столик с водой в бутылках без этикеток, а люстра над нами роняет свет, под которым хочется говорить тише. Тендер на свадьбу года засекречен наглухо: заказчик анонимный, пара медийная, имена раскрывают только победителю, после всех подписей о неразглашении. Бриф на полтора листа, я перечитала его дважды: четыреста гостей, площадка уровня закрытого дворца, бюджет без потолка, штрафы за любой сбой. И дата.

Тридцать дней. Нормальные люди за тридцать дней выбирают шторы.

Кристине и не снилось, как мне нужен этот заказ. Вчера я сидела в кабинете Ромашова и смотрела, как Игорь Львович вертит в пальцах очки. Он двадцать лет вкладывается в красивые истории с плохим балансом, но моя, судя по очкам, перестала быть красивой.

— Рита, я в вас верю, — сказал он. — Но в цифры я верю сильнее. И потом, ваш долг ведь уже перекуплен. Третьей стороной. Не люблю входить туда, где уже кто-то стоит в темноте.

Кто стоит в темноте, он не знал. Или не сказал. Я поставила на коллекторов и запретила себе думать об этом до пятницы. У меня хорошо получается запрещать себе. Годы тренировок.

Ставка простая, как гвоздь. Три этажа на Мясницкой. внизу шоурум, над ним офис, на третьем архив, где по алфавиту стоят восемьсот папок с чужими счастливыми финалами. Семь лет моей жизни, разложенные по полкам. Прогрываю тендер, и через пару месяцев всё это уходит с молотка вместе с полками. Соня, кстати, об этом не знает. Ей я говорю «временные трудности» и держу лицо. Она верит. Я умею не выдавать себя.

Дверь переговорной открывается, выходит ассистент заказчика: молодой человек с планшетом и голосом автоответчика.

— Агентство «Белый лебедь». Прошу.

Кристина встаёт, одёргивает пиджак и, проходя мимо, наклоняется ко мне:

— Без обид, Маргарита. Просто у нас портфолио. А у вас... ситуация.

— Удачи, — говорю я. Почти честно. У неё в презентации на третьем слайде едет шрифт, я видела в отражении стекла, и говорить ей об этом не собираюсь. Ситуация, Кристиночка, у всех.

Сорок минут спустя она выходит красная, как фирменные ленты её агентства, и не смотрит в мою сторону. Ассистент

сверяется с планшетом:

— Агентство «Хеппи-энд».

В переговорной трое: ассистент, юрист и пустое кресло во главе стола. Заказчик, стало быть, слушает как-то иначе. Или вообще не слушает, а решает по бумагам. Кресло мне мешает: я привыкла работать с живыми глазами.

Ноутбук я не открываю. Это моя ставка: у всех сегодня были слайды, дворцы и голуби.

— Расскажите мне про пару, — говорю я. — Без имён. Привычки. Кто из них двоих просыпается первым? Кто кого перебивает? Когда они ссорятся, кто первым пишет?

Ассистент моргает. Юрист поднимает голову от бумаг.

— Это входит в концепцию?

— Это и есть концепция. Свадьба года получается тогда, когда четыреста гостей весь вечер смотрят на двоих, а декорации никто не может вспомнить наутро. Декорации я делаю с закрытыми глазами: за моей спиной восемьсот чужих счастливых финалов, и ни один не сорвался по моей вине.

Дальше я говорю сорок минут без бумажки. Тайминги. Две площадки в городе, которые возьмут четыреста человек через месяц и не опозорятся. Резерв на срыв поставок, страховка на погоду, свет, который не сядет на третьем часу, потому что я знаю, у кого он садится. Я знаю этот город по ту сторону праздника: кто привозит цветы к пяти утра, с кем нельзя работать в дождь, у какого кейтеринга официанты держат спину. Под конец юрист перестаёт записывать,

откладывает ручку и просто слушает. За семь лет я видела такое у юристов дважды.

— Условия жёсткие, — говорит ассистент. — Тридцать дней. Штрафы.

— Штрафы меня устраивают. Я не срываю сроки. Никогда.

— Все так говорят.

— Все не красили дорожку к алтарю в три часа ночи своими руками. Проверьте отзывы.

Ассистент что-то отмечает в планшете. По его лицу нельзя прочесть даже время суток.

— Мы сообщим о решении.

Решение сообщают в тот же вечер, когда мы с Соней уже придумали восемь способов пережить отказ и два способа его отпраздновать.

— Заказчик принял решение в вашу пользу, — говорит голос автоответчика в трубке. — Документы доставят сегодня. Подписание и знакомство с парой завтра, на ужине. Дресс-код вечерний.

Соня визжит так, что на третьем этаже, в архиве, что-то падает с полки. Потом зажимает рот ладонью и визжит сквозь ладонь.

Мы победили. Мы, чёрт возьми, победили. Соня достает из холодильника шоурума шампанское, которое стоит там для клиентов, и мы пьем его тёплым из кофейных чашек. Бокалы так и стоят в коробке. Она рассказывает, как пережи-

вала, трёт глаза, смеётся, у неё сердечки на стикерах и вера в то, что мир в целом за нас. Я смотрю на неё поверх чашки и разрешаю себе поверить: вывезем. Банк, залог, Мясницкую. Всё вывезем.

Гонорар за свадьбу года закрывает долг по зданию с запасом. Сорок процентов авансом при подписании. Я успеваю мысленно разнести эти деньги по статьям, пока Соня допивает вторую чашку: столько банку, столько подрядчикам, Соне премию, себе новые туфли вместо этих, честно отслуживших три сезона.

Курьер приезжает в девять. Конверт тяжёлый, бумага такая, что об неё можно порезаться. Договор, приложения, график, штрафы за каждый чих. Неустойка за расторжение по моей инициативе такая, что дешевле продать почку. Обе.

Я листаю до реквизитов сторон. Профессиональная привычка: сначала смотри, кто платит.

Невеста: Владислава. Имя незнакомое, красивое, с двумя «л». Дальше строка «жених».

Я читаю её один раз. Потом ещё раз. Потом ставлю чашку, потому что рука перестаёт быть моей.

Верещагин Артём Сергеевич.

Артём. Мой Артём. Тот, чьи пионы я потом три года не могла видеть в холодильниках у флористов. Тот, кто за пять минут до марша вышел «к машине» и уехал из моей жизни насовсем, оставив мне зал на двести человек, оплаченный оркестр и платье, которое я так и не смогла продать.

Соня что-то спрашивает. Дважды. Смысл доезжает до меня с третьего раза.

— Всё в порядке, — говорю я, и это, возможно, лучшая работа моего лица за год.

В смете этого вечера у меня было всё: победа, шампанское, спасённое здание. Одной строки я не заложила.

Я выиграла свадьбу года. Осталась мелочь: жених в графе тот самый, что три года назад забыл прийти на мою.

Глава 3. Смотрины

Своего бывшего я не видела три года, и за эти три года он отрепетировал нашу встречу лучше, чем я.

— Ритуль! — Артём разводит руки на весь частный зал, будто собирается обнять меня вместе с колоннами. — Наша звезда. Господа, это та самая Маргарита. Лучше неё в этом городе нет никого. Уж я-то знаю.

Смеётся первым. Стол подхватывает.

В лифте я красила губы. Боевой раскрас: войну ведут с накрашенным ртом, этому меня никто не учил, до этого я дошла сама. Помада, прямая спина, улыбка номер четыре, деловая с теплотой. Я приехала подписать контракт, который спасёт моё агентство. Остальное я себе запретила ещё в машине.

Зал панорамный: весь город внизу, подан к столу. За длинным столом человек двенадцать, и я узнаю их по блеску: дама в изумрудах размером с крыжовник, господин с зачёсом, два лица из светской хроники. Эти люди были на моей свадьбе. Точнее, на моей несвадьбе. Дама в изумрудах тогда громче всех шептала «бедная девочка». На весь зал шептала. С прекрасной дикцией.

И отдельно, в дальнем конце стола, мужчина, которого я не знаю. Тёмный костюм без единой попытки понравиться, перед ним ни бокала, ни телефона, только часы: снял с запя-

стья и положил рядом с приборами, как хирург раскладывает инструмент. Он единственный не смеётся шуткам Артёма. Уже интересный человек.

— Маргарита. — Влада не встаёт. Протягивает руку ладонью вниз и проводит по мне взглядом, как оценщик в ломбарде: камни так себе, оправы старые, берём за полцены. Сама она красивая до неправдоподобия: белый шёлк, ключицы, ни грамма лишнего и ни градуса тёплого. — Артём столько о вас рассказывал. Практически всё.

— Надеюсь, самое скучное, — говорю я и сажусь, куда показывают. Стул, разумеется, напротив Артёма. Рассадку делала не я, но делал человек с фантазией.

Контракт подписываем между закуской и горячим. Влада листает страницы отманикюренным пальцем, не читая: читали юристы, её дело царственно кивнуть.

— Мне нужно идеально, — говорит она. — Вы ведь умеете идеально... — пауза у неё выточенная, ювелирная, — ...для других?

— Для других у меня получается лучше всего.

Подпись. Дата. Сорок процентов аванса. Дыши, Мясницкая.

— За это стоит выпить! — Артём встаёт с бокалом, и свет от люстры послушно ложится ему на скулы. Он всегда умел вставать так, чтобы свет ложился правильно. — За Риту. Мы знакомы... сколько, Ритуль, лет шесть? Она тогда делала свадьбы в ресторанчиках у метро, а я ей говорил: ты будешь

лучшей. Считайте, что этот вечер устроил я. Всё, что она умеет, начиналось на моих глазах.

Стол аплодирует. Шесть лет назад я делала свадьбы в рестораниках у метро и тянула его стартап на своей зарплате, но тост об этом умалчивает. Красиво умалчивает, надо признать: он всегда редактировал прошлое лучше любого юриста.

— Спасибо, — говорю я и поднимаю воду. — За заказчиков, которые верят в лучших.

Влада смотрит на жениха, потом на меня, и что-то в её лице щёлкает.

Дальше ужин, и по нему быстро становится ясно, что развлекательная программа у стаи готова заранее и я в ней не ведущая, а номер.

— Маргарита, деточка, — дама в изумрудах наклоняется через стол, — а вы всё одна? Такая профессия грустная: всех выдаёте, а сами...

— Работы много, — отвечаю я. Улыбка номер семь, для прессы.

— Годы-то идут, милочка. — Она поворачивается к Владе. — Владочка, а что наш дорогой вдовец? Шестьдесят два, но какая осанка!

— Партнёр Гарина, — кивает Влада. — Прекрасная партия, дорогая. Он как раз ищет женщину... попроче. Хозяйственную.

— А посадите их рядом! — вдохновляется дама. — На

банкете! Маргарита же всё равно будет там... работать.

— Чудесно, — Влада делает пометку в телефоне, и я почти слышу, как в моей рассадке появляется строка, которую я не вносила. — Стол для одиноких у нас предусмотрен?

Попроше. Стол для одиноких. На свадьбе, которую я делаю своими руками. Стол улыбается вежливо, десятью улыбками сразу, и все десять смотрят на меня: как я это съем. Под столом я тру пальцем пятно на скатерти. Пятна нет. Палец в курсе, но не останавливается.

— Господа, не смущайте. — Артём поднимает ладонь, спасатель, джентльмен. — У нас с Ритой сложная история, но мы же взрослые. Да, Ритуль? Кто старое помянет.

— Сложная, — Влада отпивает воды. — Это когда невеста остаётся у алтаря, а жених нет? Прости, я вечно путаюсь в терминах.

Тишина такая, что слышно, как в изумрудах преломляется свет. Кто-то усмехается в салфетку. Дама смотрит на меня с жадным сочувствием: ну же, девочка, дрогни, мы за этим и собрались.

Щекам горячо. Три года прошло, а щекам всё ещё горячо. Мне тридцать два. У меня лучшее агентство в городе, восемьсот чужих счастливых финалов и одно железное правило: клиент говорит что угодно, ты держишь лицо. Мама гордилась бы. Мама, собственно, этому и учила.

— Так и живёте одна? — не унимается дама в изумрудах, и в её голосе столько мёда, что вязнут осы. — Три года! Муж-

чины, конечно, боятся сильных женщин, но вы бы, деточка, всё-таки как-то... понижали планку.

Влада наклоняет голову, ждёт. Артём смотрит на меня сочувственно, брови домиком. Эти брови я уже видела. «Я быстро, только к машине». Где-то на краю поля зрения человек с часами переворачивает их циферблатом вниз. Я отмечаю это машинально, между делом, и мне некогда думать, что это значит.

— Я не одна, — говорю я.

Стол замирает. Я тоже: голос мой, слова мои, разрешения на них я не давала.

— У меня есть жених.

— Какая прелесть. — Влада складывает губы бантиком. — И где же вы его прячете?

Правильный ответ: в командировке. Сингапур, буровая, гастроли, любая точка мира, откуда не возвращаются к чужим ужинам. До свадьбы месяц, потом их жизнь меня не касается. Я открываю рот, чтобы соврать удобно и недоказуемо.

— Здесь, — говорю я.

Идиотка. Полная, дипломированная идиотка.

Взгляды двенадцати человек ползут по залу: по пустым стульям, по официантам, по метрдотелю у дверей. Артём перестаёт улыбаться, и на его лице впервые за вечер проступает что-то живое. Влада подаётся вперёд, ноздри у неё вздрагивают: кровь рядом. Дама в изумрудах уже набрала воздуха.

Секунда. Вторая. У меня в голове с грохотом листается пустой список: на «жениха» в нём никогда не было ни одного пункта.

И тогда мужчина в дальнем конце стола поднимает глаза от своих часов. Неторопливо, последним за столом.

— Да, мы вместе, — говорит мужчина, которого я вижу впервые в жизни.

И моя ложь обзавелась собственником.

Глава 4. Ликвидатор

— Курить, — объявляю я столу и встаю. — Мы выйдем покурить.

Я не курю с университета. Мой свежеиспечённый жених, судя по его лицу, не курил никогда. Тем не менее он поднимается, забирает со стола часы и идёт за мной через зал, а стоя провожает нас взглядами, и в спину мне летит шёпот дамы в изумрудах, на этот раз с плохой дикцией.

В зимнем саду при ресторане пусто. Пахнет влажной землёй, среди фикусов журчит декоративный фонтанчик, которому я машинально ставлю диагноз: дешёвка, на свадьбу не возьму. Мозг спасается, как умеет.

Я разворачиваюсь.

— Кто вы?

— Марк.

— Это имя. Дальше.

— Марк Верещагин.

Секунду фамилия просто висит в воздухе. Потом падает.

— Брат, — говорит он. — Старший.

Из всех мужчин города моя ложь выбрала себе в собственники брата Артёма. Поздравляю, Маргарита Андреевна. С такой меткостью надо было идти в снайперы, а не в свадьбы.

Он смотрит на меня без улыбки. Ровно, не мигая. У меня от этого взгляда мёрзнут плечи, и я скрещиваю руки, чтобы

это было похоже на позу, а не на озноб.

— Зачем вы это сказали? Там, за столом.

— Мне стало интересно.

— Что именно?

— Как далеко вы зайдёте.

Говорит он негромко, и я ловлю себя на том, что наклоняюсь ближе, чтобы слышать. Удобный приём. Наверняка отработанный.

— Послушайте. — Я перевожу дыхание и включаю деловой тон, который держит меня надёжнее корсета. — Спасибо. Вы избавили меня от сцены, после которой пришлось бы менять город. Завтра я скажу им, что мы расстались. Стремительный роман, стремительный финал, все довольны.

— Нет.

— Что «нет»?

— Расставаться мы не будем. — Он поддёргивает манжету и надевает часы обратно, неторопливо, застёжка щёлкает в тишине. — Вам нужен жених до конца этой свадьбы. Мне удобно, чтобы им был я.

— Удобно. — Я повторяю это слово, пробуя на вкус. — Вы всегда жените себя из удобства?

— Я не женюсь. Я предлагаю сделку. Тридцать дней.

— Объясните мне выгоду. Вашу. Я в сделках без выгоды не участвую, они плохо кончаются.

— Вы делаете свадьбу моего брата, — говорит он. — Проект на десятки миллионов, подрядчик на грани банкротства.

Мне спокойнее держать подрядчика в поле зрения. Близко.

— В поле зрения. — Я киваю. — Обычно для этого нанимают аудитора, а не объявляют себя женихом.

— Аудитору ваша стая не поверит. Жениху поверила за секунду. Вы сами видели.

Логика у него собрана, как его костюм: ни складки, ни зазора. И всё-таки зазор где-то есть. Я его чую носом, натренированным на пересоленных сметах. Только предъявить нечего.

— Вы весь ужин молчали, — говорю я. — Наблюдали. Вы всегда так ужинаете?

— Обычно я ужинаю с документами. Сегодня было содержательнее.

— Сделку. — Смех у меня выходит короткий и не самый красивый. — Вы хотя бы знаете, с кем разговариваете?

— Маргарита Андреевна Соколова, тридцать два года. Агентство «Хеппи-энд». Оборот упал на сорок один процент после ухода Морозовых. Здание на Мясницкой, три этажа, залог, просроченный кредит, требование о досрочном погашении. — Он перечисляет моё банкротство по памяти, без единой бумажки, с точностью до процента. — Продолжать?

Холод доходит до меня раньше смысла. В зимнем саду тепло, а у меня стынут пальцы, и я прячу их в складки платья.

— Откуда у вас мои цифры?

— Ваш долг, — говорит он. — Я его купил.

Фонтанчик журчит. Где-то за стеной оркестр играет что-то бодрое, у стаи десерт.

— Третья сторона, — говорю я медленно. Кабинет Рома-шова, очки, «не люблю входить туда, где уже кто-то стоит в темноте». — Это вы. Вы стоите в темноте.

— Обычно я включаю свет. Спотыкаться дорого.

— Кто вы по профессии? Коллектор с хорошим портным?

— Антикризисный управляющий. — Пауза. Отмеренная, в одну секунду. — Ваши коллеги говорят «ликвидатор».

Слово падает в фонтан и тонет. Я про таких слышала: приходят к тонушим компаниям, разбирают на части, продают по описи. Красивым словом «оптимизация» у них называется всё, вплоть до похорон. И вот один такой держит в портфеле мою Мясницкую, а десять минут назад публично стал моим женихом.

— Зачем вам долг свадебного агентства? — спрашиваю я. — Это мелочь. Для человека с вашим портным.

Он отвечает не сразу. Поправляет ремешок часов, на пол-миллиметра, до идеала.

— Чтобы никто другой не разобрал здание.

— Ну конечно. — Злость поднимается тёплой волной, и с ней даже уютнее, чем с ознобом. — Разбирать будете лично. По кирпичу, с описью, как вы любите.

Он меня не поправляет. Стоит и смотрит, и в этом молчании столько терпения, что хочется бросить в него чем-нибудь из декора.

— Условия обсудим завтра, — говорит он. — В десять я пришлю адрес. Публичная версия: сошлись через дело, полгода не афишировали. Сегодня от вас требуется молчать и не противоречить.

— Я ещё не согласилась.

— Согласились. За столом, при двенадцати свидетелях. Я лишь подтвердил.

Вот теперь мне по-настоящему нечем дышать, и духота ни при чём. Он прав. Ловушку я построила сама, четырьмя словами, а этот человек просто вошёл и повесил на неё табличку со своим именем.

— А если я завтра скажу, что пошутила?

Я и сама слышу, как это звучит. Скажу, что пошутила, и к обеду Влада разошлёт эту шутку по всем салонам города с пометкой «срочно». Брошенка, которая выдумала себе жениха за столом у бывшего. Такое не отмывается ни работой, ни временем: я по чужим репутациям знаю, сколько стоит одна весёлая история в правильных устах.

— Ваше право. — Он делает шаг к дверям и останавливается. — Тогда считайте. Без свадьбы года у вас нет гонорара. Без гонорара нет платежей. Без платежей я забираю здание, по закону, без злости. Я разбираю чужие ошибки за деньги, Маргарита Андреевна. Ваши пока обходятся вам дороже, чем мне.

— И вам совсем не интересно, почему я соврала?

— Люди врут, когда им что-то нужно. Вы очень чего-то

хотите, госпожа Соколова. — Он смотрит на меня ещё секунду, и мне впервые за вечер кажется, что меня взвешивают. До грамма. — Мне любопытно, чего именно.

Я достаю телефон и открываю список. Пальцу нужно что-то листать, иначе он начнёт дрожать, а дрожать при этом человеку я не буду. Триста пунктов чужой свадьбы едут вверх и вниз, и ни в одном не написано, что делать, когда жених невесты твой бывший, а твой собственный жених выдан тебе кредитором.

— Зачем это вам? — спрашиваю я уже в его спину. — Только честно. Весь этот спектакль.

Он оборачивается на пороге.

— Я не покупаю чувства. Покупаю долги. Ваш — в том числе.

И уходит в зал, к брату, к стае, к десерту. А часы снимает снова и несёт в руке, как включённый секундомер.

Счётчик пошёл.

Глава 5. Правила

Адрес он присылает в восемь утра, без приветствия и без подписи. Я перечитываю сообщение дважды, потому что это мой собственный адрес. Мясницкая. Мой дом. Он назначает мне встречу в здании, которое держит в залоге, и даже не считает нужным пояснить, что это: удобство, шутка или демонстрация.

Скорее всего, у него это одно и то же.

В десять ноль-ноль Марк Верещагин входит в мой шоурум и первым делом осматривает не меня, а стены. Несущие, с хорошим запасом. Взгляд оценщика я узнаю за версту, сама так смотрю на чужие площадки. Только он оценивает не праздник. Первый этаж я семь лет назад красила по ночам своими руками, под этой краской два слоя моей прошлой жизни, а для него это квадратные метры с обременением.

— Кофе? — Соня выныривает из-за стойки и сияет так, что можно выключить свет. Для неё это событие века: жених Риты, живьём, в шоуруме.

— Воды. Спасибо.

— Она с мятой! То есть вода. Обычная. Я сейчас!

Соня уносится, споткнувшись о собственный восторг, и мне на секунду становится тесно в груди. Она верит. Верит так, что светится. А я ей вчера соврала впервые за два года и сегодня совру ещё раз десять.

Поднимаемся в переговорную. И дальше происходит сцена, которой я не видела за восемь лет переговоров: мы одновременно, движение в движение, достаём каждый свой проект договора. Он кладёт на стол один лист. Я кладу три страницы.

Пауза.

— У вас регламент, — говорит он. По его меркам это, подозреваю, комплимент.

— У меня смета. На враньё тоже нужна смета, иначе оно выходит из бюджета. — Я подвигаю ему свои страницы. — Сверим редакции?

Сверяем. Это самые странные переговоры в моей жизни, и это при том, что я однажды согласовывала выкуп невесты с участием живого верблюда.

Пункт первый, срок: до полуночи после банкета. Здесь мы совпадаем слово в слово, и меня это скорее пугает.

— После банкета расстаёмся, — говорит он. — Публично, без драм. Формулировку разрыва предлагаю согласовать заранее.

— «Не сошлись характерами». Классика. Никто не виноват, все свободны.

— Принято.

Пункт второй, легенда: сошлись через дело. Минимум выдумки. Врать надо экономно: чем меньше деталей, тем меньше улик. Он формулирует это как «сокращение поверхности риска», я как «меньше пунктов, которые можно завалить».

Мы смотрим друг на друга с одинаковым выражением, и я спешно возвращаюсь к бумаге.

На детали легенды уходит полчаса, и споткнёмся мы, конечно, на предложении руки и сердца.

— Предложение сделали вы, — говорю я. — Стая скорее поверит, что вы купили меня, чем что я вас добилась.

— Согласен. Ресторан исключается: я не делаю личных заявлений в общественных местах.

— Тогда где? В переговорной? «Выйдешь за меня, распишись на каждой странице»?

— Дома, — говорит он ровно. — За ужином. Без кольца в бокале: кольцо в еде это риск для зубов и для страховки.

Я записываю и на середине фразы вдруг вижу эту сцену целиком: тихая кухня, двое, никакой публики. Никогда в жизни мне не делали предложение за домашним ужином. Мне его делали в ресторане, с квартетом, на глазах у сорока человек, и чем это кончилось, знает вся стая.

— Годится, — говорю я быстрее, чем надо. — Скучно и правдоподобно. Ваш стиль.

Пункт третий, публичность: на людях играем пару, касания по протоколу. Одно на выход. Рука, локоть, ничего сверх.

— Целоваться не будем, — уточняю я, не поднимая глаз.

— В договоре или в принципе?

Я поднимаю глаза. Лицо у него непроницаемое, но пауза перед «в принципе» была на четверть секунды длиннее нуж-

ного. Он тоже умеет шутить. Просто у его шуток нет мимики.

— В договоре, — говорю я. — Принципы обсуждению не подлежат.

Пункт четвёртый, деньги: финансы фейка отдельно от долга. Кольца, рестораны, выходы в свет оплачиваются пополам, и ни один рубль этой игры не смешивается с моим графиком платежей. Тут он вносит правку в мою формулировку, наклонившись над моим листом, и зачёркивает два слова. От него пахнет чем-то холодным и дорогим, без сладости. Я ловлю себя на том, что перечитываю его правку дважды, хотя там четыре слова.

Собранность, Маргарита Андреевна. Это кредитор. Кредиторов не нюхают.

Пункт пятый, круг посвящённых: двое. Он, я. Всё.

— Соня, — говорю я. — Моя ассистентка. Ей я говорю всё, она мой второй мозг, без неё я не соберу вам ни свадьбу, ни легенду.

— Теперь не всё, — отвечает Марк. — Двое. Каждый посвящённый удваивает вероятность утечки. Ваша ассистентка смотрит на вас влюблёнными глазами и расскажет правду первому, кто её похвалит.

— Вы видели её тридцать секунд.

— Мне хватило.

Я хочу спорить и не спорю. Пункт пятый проглатывается, как таблетка без воды, и стоит где-то за грудиной весь оста-

ток встречи. Соня будет верить, что это по-настоящему. Соня будет радоваться за меня. По-настоящему.

Пункт шестой, его редакция: наедине не играем. Без свидетелей никаких ролей. Сделка действует только на публике.

— С удовольствием, — говорю я. — Наедине я планирую с вами не разговаривать.

— Это упростит исполнение.

И один пункт он произносит вслух, отдельно, не записывая:

— Артём не должен узнать. Никогда. Ни во время, ни после. Это не обсуждается.

— Почему?

Он молчит. Впервые за встречу молчание у него не тактическое, а глухое, как стена без двери. Часы ложатся на стол, циферблатом вверх, между нами.

— Потому что это моё условие, — говорит он наконец.

Значит, здесь у него зазор. У всех есть здание, которое они красили по ночам. Я не настаиваю: чужие несущие стены не трогаю без сметы.

Он тянется подписывать. Я забираю лист.

— Ещё один пункт. Седьмой.

Пишу от руки, печатными буквами, с нажимом. Две строки. Подвигаю ему.

«Пункт 7. Не влюбляться».

Он читает. Поднимает на меня глаза. Пауза длится ровно столько, чтобы я успела пожалеть обо всём, начиная с уни-

верситета.

— Это лишний пункт, — говорит он.

— Лишние пункты мой хлеб. Подписывайте.

Он подписывает. Одним росчерком, без завитка: Верещагин. Ниже расписываюсь я, и наша помолвка вступает в силу, семь пунктов, две подписи, ноль чувств, срок годности тридцать дней.

Внизу он прощается с Соней за руку, и Соня потом полчаса ходит по шоуруму, держа эту руку на отлёте. У двери Марк оборачивается, надевает часы и застёгивает ремешок.

— До пятницы, — говорит он. — Ужин у Влады. Приеду за вами в семь.

— В шесть сорок. Я не опаздываю даже на собственное враньё.

Что-то мелькает в его лице. Быстрое, на полсекунды, у уголка рта. Если бы я не смотрела так пристально, сказала бы, что померещилось.

Вечером я перечитываю договор в пустом офисе. Дохожу до седьмого пункта и задерживаюсь на нём дольше, чем положено по таймингу.

Пункт седьмой: не влюбляться. Я внесла его первым. С таким же успехом можно первой строкой сметы написать: не думать о слоне.

Глава 6. Отказ

На любой площадке я первым делом ищу запасной выход. Профессиональное: если загорится, я должна знать, куда выводить гостей. Наутро после подписания всех бумаг я сажусь искать запасной выход из собственной жизни.

Начинаю с контракта на свадьбу года. Юристы заказчика писали его с любовью: расторжение по моей инициативе стоит три гонорара плюс возмещение «репутационных потерь» заказчика. Слово «репутационных» в договоре о празднике торчит, как нож в торте. Логично, говорю я себе: за месяц до даты замену не найдёт даже Влада, вот они и прибили подрядчика к полу. Любой на их месте прибил бы.

Читаю дальше. Пункт за пунктом, приложение за приложением, и с каждой страницей запасных выходов всё меньше. Аванс получен и уже расписан: бронь площадки, задатки подрядчикам, зарплатный фонд на месяц вперёд. Деньги, не успев согреться на счёте, разбежались работать. Вернуть их можно только вместе с почками.

Ладно. Дверь номер один заварена. Проверим вторую.

Банку я звоню в десять. Менеджер у меня новый, голос молодой и уже уставший.

— Маргарита Андреевна, по вашему кредитному договору зафиксировано нарушение ковенанта. Падение оборота свыше тридцати процентов. После отмены контракта с Мо-

розовыми банк воспользовался правом досрочного истребования.

— Я знаю. Я спрашиваю, что можно сделать.

— Погасить остаток единовременно. Либо решать вопрос с правопреемником: требование переуступлено, взыскание на предмет залога ведёт он.

— У правопреемника есть имя?

— Такая информация раскрывается в установленном порядке...

Есть у него имя. Имя позавчера сидело напротив меня, пило воду без газа и подписывало пункт седьмой, не меняясь в лице.

Кладу трубку и какое-то время смотрю в стену, на которой висит фотография моего первого свадебного проекта: банкетный зал у метро, гирлянда из бумажных журавликов. Мы с той невестой складывали их вдвоём до четырёх утра, потому что бюджета на флориста не было. Она до сих пор пишет мне на каждую годовщину.

Вот что уходит с молотка, если я сорвусь. Не метры. Журавлики.

Открываю почту и завожу письмо ассистенту заказчика. Пишу: «Уважаемые коллеги, вынуждена сообщить...» Стираю. Пишу: «По независящим от агентства обстоятельствам...» Стираю. Пишу третий вариант, самый честный, на одну строку: «Не могу. Жених ваш мой бывший, жених мой ваш кредитор, всё это цирк». Отправить такое, конечно,

нельзя, но пусть секунду поживёт на экране. Красивое.

Стираю и его.

Пока курсор мигает над пустым полем, звонит Кристина. Лёгкая на помине.

— Маргариточка! Поздравляю, слышала про тендер. И про помолвку слышала, весь город слышал. Столько событий, а ты всё тянешь одна... Ты справляешься вообще? Я к чему: если вдруг почувствуешь, что не вывозишь, «Белый лебедь» всегда готов подставить крыло. Подхватим проект аккуратно, заказчик даже не заметит. По-дружески.

— Спасибо, Кристина. Если мне понадобится крыло, я обращусь на птичий рынок.

Кладу трубку и записываю на стикер: «Лебедь кружит». Значит, о моей «ситуации» говорят уже и на её стороне города. Значит, любой мой чих будет услышан, взвешен и перепродан. Отступать теперь нельзя ещё и поэтому: падающих у нас не подхватывают. Доклёвывают.

Все три варианта ведут в одну точку. Отказ от контракта означает неустойку, которой у меня нет, и молоток, который уже занесён. Отказ от фейка означает объяснение, почему жених испарился через день после помолвки, и это объяснение Влада продаст городу дороже, чем я продаю свадьбы. Стая на моей несвадьбе уже один раз выдохнула этот особенный звук, двести человек разом. Второй раз я его не переживу. То есть переживу, конечно. Я всё переживаю. Просто цена вопроса перестала измеряться деньгами.

Дверь распаивается без стука.

— Рита-а-а! — У Сони в руках телефон, щёки цвета пионов. — Почему я узнаю о вашей жизни из интернета?! Рина Малич выложила сторис из ресторана! «Королева свадеб наконец-то сама», четыре сердечка, два миллиона просмотров!

— Соня...

— Он же Верещагин! Старший брат жениха! Это же... это же как в кино!

— Это не как в кино, — говорю я, и это, пожалуй, самая честная фраза за моё утро.

— А как? Расскажите! Где познакомились? Когда? Почему я не знала? — Она падает на стул напротив, глаза круглые, преданные, и в них столько радости за меня, что я опускаю взгляд в бумаги.

Пункт пятый: круг посвящённых, двое. Подпись: Соколова.

— Через дело, — говорю я. — Он занимается проблемными активами, у нас были... общие вопросы. Полгода не афишировали. Не хотела взглянуть.

Соня прижимает ладони к щекам и тонко взвизгивает на вдохе. Она верит мгновенно, целиком, всей собой, потому что для неё мир так и устроен: за хорошими людьми приходит любовь, просто иногда опаздывает.

Первая ложь Соне за два года. Проглатывается легко. Послевкусие догоняет позже, кислым.

— Он в вас влюблён по уши, — заявляет она со знанием

дела. — Я видела, как он на вас смотрел, когда вы поднимались по лестнице. Как на... на несущую стену!

Смеюсь, впервые за сутки. Точнее не скажет ни один эксперт: Марк Верещагин смотрит на меня ровно как на несущую стену. Прикидывает, что рухнет, если убрать.

— Соня. Никому ни слова сверх того, что в сторис. Подрядчикам, маме, коту — никому. Мы люди непубличные.

— Могила! — Она проводит пальцами по губам, застёгивая невидимую молнию, и тут же расстёгивает: — А на свадьбу вашу меня возьмёте? Не работать! Гостьей! Я никогда не была на свадьбе гостьей, представляете? Пять лет в профессии!

— Разберёмся, — говорю я, и горло на этом слове делает что-то нештатное. Свадьбы не будет, Сонечка. Будет полночь после чужого банкета и заранее согласованная формулировка «не сошлись характерами».

Вечером я остаюсь в шоуруме одна. Свет не включаю: с улицы хватает, витрина напротив мигает жёлтым, по потолку ездят полосы от фар. Достāju лист и делю его пополам, старым способом, которым решала всё, начиная с переезда в этот город.

Слева: отказаться. Банкротство, молоток, Соня без работы, восемьсот папок из архива в коробки, стоя пьёт за упокой «Хеппи-энда», Влада рассказывает года два подряд, как я выдумала себе жениха. Мама узнаёт всё разом.

Справа: остаться. Месяц делать свадьбу человека, кото-

рый не пришёл на мою. Месяц играть невесту человека, который держит в портфеле мой дом. Каждый день держать лицо на два фронта и ни разу не проговориться единственному человеку, который радуется за меня по-настоящему.

Я смотрю на этот лист долго. Потом складываю его вчетверо и убираю в ящик, к булавкам.

Обе двери я заперла сама: одну подписью, другую четырьмя словами за чужим ужином. Осталось признать очевидное и идти работать.

Есть вещи хуже, чем делать свадьбу бывшего под руку с его братом. Например: делать её без денег и без лица.

Глава 7. Условие

— У вас двенадцать минут, — говорит Марк вместо приветствия.

— Доброе утро и вам.

В приёмной перед его кабинетом два стула и кулер. Журналов нет, конфет тоже: ждать здесь не положено никому. Секретарь проводила меня секунда в секунду.

Офис ровно такой, каким я его себе нарисовала по дороге: высокий этаж, стекло, переговорная без единого личного предмета. Город отсюда виден целиком и выглядит подотчётным. На столе ничего, кроме телефона и часов. Часы уже лежат циферблатом вверх.

Счётчик, стало быть, включён с порога. Хорошо. Я тоже не небо смотреть пришла.

— Хватит и десяти. — Сажусь, открываю папку и разворачиваю к нему. — Реструктуризация. График погашения на восемнадцать месяцев, помесечно, под подписанные контракты. Здесь поступления, здесь прогноз по новым заявкам, здесь резерв. Цифры чистые, можете проверять хоть с лупой.

Эту папку я собирала до трёх ночи, с закладками и цветными ярлычками. Восемнадцать месяцев мне хватит, чтобы выплатить всё и остаться в своём доме, не продав ни журавлика.

Марк не открывает папку. Даже не придвигает.

— Нет.

— Вы не посмотрели.

— Я смотрел на такие папки чаще, чем вы на свадебные арки. Восемнадцать месяцев прогнозов рисуют, когда нечем платить три ближайших. У вас классический случай.

— У меня подписанный контракт на свадьбу года.

— Поэтому вы сидите здесь, а не читаете объявление о торгах. — Он поворачивает ко мне телефон. На экране таблица. — Моё предложение.

Читаю. Отсрочка взыскания до даты свадьбы. Тридцать дней, день в день. Гонорар за свадьбу года по договору уступки уходит ему напрямую, в счёт долга, целиком: деньги минуют мой счёт транзитом. Промежуточные взносы по графику, четыре штуки. Внизу отдельной строкой, жирным: один сорванный платёж, и отсрочка аннулируется в тот же день, взыскание возобновляется.

— Это кабала, — говорю я.

— Это структура. Кабала у вас была до меня: банк, который не умеет ждать. Я умею. Ровно тридцать дней.

— Гонорар целиком. А жить мне на что? У меня зарплаты, аренда техники, Соня.

— На оборот по остальным заказам. Вы ведь лучшая в городе. — Ни одна мышца не двигается, и всё-таки это издёвка, я её слышу так же ясно, как слышу фальшь в тостах. — Лучшие выживают.

Я смотрю в таблицу и считаю. В уме, без черновика, не

меняясь в лице: школа заказчиков. Выжить можно. Впритык, без жира, с задержкой собственной зарплаты, но можно. Если ни один взнос не сорвётся. Если Влада не выставит счёт за капризы сверх бюджета. Если я месяц продержусь на двух фронтах, не потеряв ни одного заказа.

Слишком много «если» на одну страницу. Мама сказала бы: не показывай, что тебе страшно. Мама много чего сказала бы, у неё на всё есть инструкция, кроме случая, когда страшно по делу.

— Второй взнос, — говорю я. — У вас он стоит пятнадцатым числом. Пятнадцатого у моего клиента банкет, расчёт с ним семнадцатого. Мне нужен сдвиг на три дня.

— Кредиты не подстраиваются под банкеты.

— А банкеты не подстраиваются под кредиты. Я вам не прогноз рисую, я вам называю день, когда деньги физически приходят на счёт. Хотите, покажу договор с клиентом?

Марк смотрит на меня. Потом берёт телефон, правит одну ячейку и разворачивает обратно: восемнадцатое.

— День запаса, — говорит он. — На инкассацию.

Я моргаю. Я готовилась воевать за эти три дня минут десять, у меня были аргументы, у меня был запасной аргумент и совсем запасной, жалобный. Он согласился за четыре секунды и даже накинул день сверху.

— Вы торгуетесь хуже, чем о вас пишут.

— Я не торгуюсь. Я считаю. Ваш расчёт был верный.

Странное дело: за месяц никто не говорил мне ничего

приятнее, а сказал это человек, который забирает мой гоно-
рар целиком.

— Зачем вам это? — спрашиваю я. — Правда, зачем? Вы могли забрать здание ещё месяц назад. Продать девелопе-
рам, окупиться в два конца. Зачем покупать долг свадебного
агентства и возиться с моими взносами?

Он молчит на полсекунды дольше, чем молчат люди без
секретов.

— Чтобы никто другой не разобрал здание.

— Какая забота. — Злость поднимается тёплой волной, от
неё даже спине теплее. — Никто не разберёт мой дом, кроме
вас. Так это звучит? Эксклюзивное право на снос?

Он не отвечает. Двигает телефон ближе ко мне: подписы-
вайте, мол, время. Последняя дата в графике совпадает с да-
той свадьбы. С датой конца фейка. С датой, когда весь этот
месяц закроется по всем строкам разом.

— Я подпишу, — говорю я. — Но сначала вы дослушаете,
что именно вы покупаете. Это здание я собирала семь лет.
Первый этаж красила сама, по ночам, после чужих банкетов,
краска въелась так, что маникюрша брала с меня двойной
тариф. На третьем этаже архив: восемьсот папок, восемьсот
чужих счастливых финалов, по алфавиту. Если вы ждёте, что
я сорву взнос и вы получите всё тихо и по закону, то вы плохо
посчитали. Я не сорву. Я выплачу вам весь этот график до
копейки и ещё пришлю цветы на новоселье, когда вы съедете
из моей жизни.

Тишина. Этажом ниже гудит кондиционер. Марк смотрит на меня, и я выдерживаю этот взгляд, хотя щёки у меня горят, а под столом палец сам собой трёт несуществующее пятно на юбке.

— К сведению принято, — говорит он.

И что-то в этих трёх словах звучит иначе, чем весь остальной его преискурант. На полтона ниже. Я не успеваю разобраться, что именно: он уже подвинул мне документы и ручку, чёрную, тяжёлую, ледяную.

Подписываю. Каждый лист, не торопясь, ровным почерком: пусть видит, что рука не дрожит. Рука и не дрожит. Руки у меня вообще самая дисциплинированная часть организма, они дрожат только по ночам, когда никто не проверяет.

— График пришлю сегодня, — говорит он, собирая листы. — Первый взнос через неделю.

— Получите день в день. — Встаю, забираю свою красивую бесполезную папку. У двери оборачиваюсь: — В пятницу ужин у Влады. Будете держать меня за руку, пункт третий, одно касание. Постарайтесь, чтобы рука была тёплой. Невесты не выходят за холодильники.

— Постараюсь, — говорит Марк без выражения.

Кажется, это была его версия шутки. Или моя версия надежды, что у него бывают шутки.

В лифте я еду одна, сорок этажей вниз, и считаю про себя: взносы, даты, проценты. Старый способ ничего не чувствовать. Выходит стройно. Выходит выполнимо. Выходит,

что вся моя жизнь до последней копейки теперь расписана на месяц вперёд человеком, у которого даже шутки проходят согласование.

Тридцать дней. У всех вокруг меня почему-то один и тот же дедлайн. Как будто город сговорился похоронить меня по расписанию.

Глава 8. Как взрослые

— Пробки, Ритуль, кошмарные, — говорит Артём, входя в мой шоурум на двадцать минут позже назначенного. — Ты же меня знаешь.

Знаю. Он опаздывал всегда и всегда так, что извиняться в итоге приходилось мне: за то, что жду с недостаточно счастливым лицом. К сегодняшней встрече я готова, как к обледелой дорожке: держись прямо, шагай коротко, руки из карманов.

— Кофе, чай? — спрашиваю ровно. — У нас час на концепцию церемонии. Влада утвердила общую стилистику, осталось твоё слово по формату.

— Люблю, когда ты такая. — Он падает в кресло для клиентов, разваливается, оглядывает мой шоурум хозяйским взглядом. — Деловая. Раньше ты была помягче, но и так неплохо. Работает же.

Соня вносит кофе, и Артём расцветает ей навстречу всем своим витринным светом: и «спасибо, солнце», и «а вы, значит, правая рука», и «берегите её, она у нас великая». Соня краснеет до ушей и выходит спиной вперёд, чуть в косяк не впечатавшись. Двадцать секунд, один человек очарован насмерть. Раньше я думала, что это дар. Теперь думаю: инструмент. Разница такая же, как между букетом и гербарием.

Пропускаю. У меня в телефоне открыт список, палец уже

на первой строке. Начали.

Я раскладываю концепцию. Церемония на закате: выносим начало на золотой час, свет делает половину работы, вторую половину делает оптика, и на фотографиях гости выглядят на десять лет моложе и на миллион дороже. Гостевой поток через анфиладу, чтобы четыреста человек не сбились в пробку у входа. Оркестр вступает не по сигналу ведущего, а по свету: заход солнца в день свадьбы в девятнадцать сорок одну, я проверила по астрономическому календарю.

Артём слушает, кивает, смотрит на меня, а не в презентацию. Взгляд у него всё тот же, обволакивающий: тонешь раньше, чем распробуешь.

— Гениально, — говорит он. — Закат. Это же надо.

Достаёт телефон и, не спросив, набирает кого-то, глядя на меня с видом заговорщика.

— Стас? Слушай, я тут придумал. Церемония на закате, начало по солнцу, девятнадцать сорок одна, всё в золоте. Да. Да, сам. Ну а кто. Владе пока ни слова, я хочу лично. Всё, обнял.

Кладёт трубку. Разводит руками: что, мол, поделать, партнёры, скучные люди, надо было продать красиво.

— Ты продал мою идею как свою за сорок секунд, — говорю я. — Впечатляет. Раньше у тебя уходило минуты по три.

— Ритуль, ну какая разница, чья. Мы же команда. Мы всегда были командой, помнишь? Ты придумываешь, я представляю. У тебя всё равно лучше получается тыл.

Тыл. Я перелистываю список большим пальцем, вниз, вверх. Шесть лет назад его стартап жил на моей зарплате и моих ужинах, и назывался этот период у нас «мы строим будущее». Будущее построилось. Меня в смету не включили.

— Формат церемонии, — говорю я. — Классика или выездная регистрация?

Но его уже унесло. Он встаёт, подходит к витрине с образцами приглашений, вертит в руках карточку слоновой кости.

— Я ведь часто думаю про тот день, — говорит он вдруг, спиной ко мне. — Ну, ты понимаешь, про какой.

Палец останавливается на пункте сто четырнадцать. Замирает весь список.

— Артём. У нас час.

— Нет, подожди. Это важно. Я хочу, чтобы между нами было чисто. — Он оборачивается. Лицо торжественное, подбородок приподнят. — Я ведь тогда тебя, по сути, спас. Ты рвалась замуж, как в аспирантуру, по плану, по списку. Загнала себя, загнала меня. Если бы я тогда не ушёл, мы бы развелись через год, со скандалом и с адвокатами. А так, смотри: агентство, имя, весь город твой. Ты мне спасибо сказать должна, если по-честному. Не благодари, ладно. Я не за этим.

Три года я репетировала этот разговор: в душе, в такси, на чужих банкетах, где играл его любимый джаз. В репетициях я была неотразима: у меня были монологи, паузы, выход со сцены под аплодисменты. В жизни я стою посреди собствен-

ного шоурума, держу телефон, и внутри печёт, от горла и вниз.

— Вернёмся к таймингу, — говорю я.

Голос ровный. Мама может мной гордиться.

— Вот об этом я и говорю. — Он улыбается мягко, почти с нежностью. — Броня. Ты в ней уже ходить не можешь, Ритуль, только стоять. Ладно. Классика. Влада хочет классику, значит, классика.

Дальше сорок минут он ведёт себя почти прилично: утверждает формат, выбирает анфиладу, дважды называет мои решения «нашими» и один раз «своими». Я записываю, киваю, считаю пункты.

— А у вас с Марком как вообще? — спрашивает он посреди обсуждения рассадки, без перехода. — Серьёзно всё? Просто брат у меня, знаешь... женат на графике. Ни одну живую женщину рядом с ним не видели лет пять. И тут вдруг ты.

— Сошлись через дело, — говорю я. Легенда сидит на языке гладко, отрепетированно. — Полгода не афишировали.

— Полгода. — Он барабанит пальцами по столу, и улыбка у него на секунду становится тоньше. — Надо же. Тихушники. А он в курсе, какая ты бываешь... неудобная?

— В курсе. Ему подходит.

— Ну-ну. — Барабанная дробь обрывается. — Смотри, Ритуль. Марк людей не любит. Он их считает.

Забавно. То же самое, слово в слово, я думала про Марка сама. Слышать это от Артёма неприятно: на моём зеркале чужой отпечаток.

Уже под конец, собирая образцы, я спрашиваю. По-деловому, между делом, глядя в план рассадки:

— Кстати. Тендер был слепой. Агентств в шорт-листе было пять. Как вышло, что заказ достался именно моему?

Артём улыбается. Медленно, с удовольствием, растягивая: подарок, который он сам себе купил.

— Так вышло.

— Так не выходит. Отбор вёл твой ассистент, критерии стандартные, портфолио у «Лебеда» толще моего вдвое.

— Ритуль. — Он наклоняется через стол, и на секунду в его глазах нет никакого света, одна витрина. — Не бывает, чтобы просто совпало.

Я жду продолжения. Он выпрямляется, смеётся легко и зачем-то отряхивает рукав:

— Шучу. Совпало, конечно. Ты лучшая, вот и вся мистика. Я в жюри вообще не заглядывал.

Я глотаю. В горле сухо, а в голове коротко и злобно звякает дверной колокольчик: чужой вошёл и не представился. Разбираться некогда: у меня месяц работы с этим человеком, гонорар, расписанный до копейки, и жених, который считает мои мотивы на калькуляторе. В смете нет строки «копаться в бывшем». И резерва на неё нет.

У двери он оборачивается. Свет из витрины ложится ему

на скулы, сам, послушно: у некоторых людей даже освещение выдрессировано.

— Я рад, что ты его нашла, — говорит он. — Марк, конечно, не подарок. Холодный. Но ты же любишь контролировать, вы споётесь. И рад, что мы вот так можем: спокойно, по-человечески. Мы же взрослые, Ритуль.

— Взрослые, — говорю я. — Один из нас даже дошёл до алтаря. Почти.

Глава 9. Кольцо

Помолвочное кольцо мне привозит курьер. Десять утра, подпись в планшете, чёрная коробка без ленты. Внутри платина и один камень. Записки нет. Даже визитки ювелира нет. Романтика уровня «накладная прилагается».

— Он сам выбирал? — Соня склоняется над коробкой, спрятав руки за спину, чтобы не трогать. — Ничего лишнего. Это же весь он, правда?

— Весь он, — говорю я чистую правду.

Примеряю. Кольцо доходит до второй фаланги и упирается. Я тяну, проворачиваю, пускаю в ход крем для рук из верхнего ящика, и платина всё-таки въезжает на место, оставив на коже красную полосу. Размер шестнадцать. У меня шестнадцать с половиной.

Пишу ему в его же жанре, без приветствия.

«Кольцо мало. Мой размер 16,5.»

Ответ приходит через четыре минуты.

«Изготовление нового три недели. Не успеем.»

«Оно режет палец.»

«Кольцо видят. Палец нет.»

Перечитываю трижды. Спорить с ним по СМС всё равно что торговаться с банкоматом, к тому же по существу он прав, и вот это раздражает сильнее всего. Интонацию к сообщениям он не прикладывает. Как и записки к кольцам.

Соня, разумеется, просит показать переписку: у неё в голове живёт папка «доказательства любви», и она её пополняет. Показываю верхнее сообщение, про три недели изготовления.

— Он уже всё просчитал! — Соня прижимает ладони к щекам. — На три недели вперёд!

Вера удивительный материал. Из одного и того же кирпича Соня строит собор, а я бомбоубежище.

Весь день кольцо цепляется за всё подряд: за подкладку кармана, за ленты в образцах, за молнию кофра. К вечеру я перестаю его чувствовать. Просто держу пальцы чуть врозь и берусь за вещи другой рукой.

Он приезжает в восемнадцать сорок, минута в минуту. В машине пахнет холодным парфюмом и кожей, я пристёгиваюсь и получаю инструктаж, короткий, как посадочный талон.

— Говорите меньше. На вопросы о нас отвечаю я.

— У нас нечем отвечать. Мы не сочинили ни первого свидания, ни предложения. По вашей милости, кстати: я предлагала заняться легендой ещё во вторник.

— Значит, улыбайтесь. Влюблённые женщины не дают показаний.

— Смелая теория. Чувствуется большой полевой опыт.

Он не отвечает.

— И про легенду, — добавляю я, глядя в окно. — Влада будет копать: место знакомства, даты, детали. Нам нужен час на синхронизацию.

— Запланируйте. Сорок минут на историю, час с резервом.

Резерв на любовь у него, стало быть, двадцать минут. Записываю в телефон: «легенда, час, резерв его». На перекрёстке, пока горит красный, он скашивает взгляд на моё кольцо. На долю секунды дольше, чем требует дорожная обстановка.

Гостиная у Влады оттенка «между белым и кремовым». Это не мои поэтизмы, это её собственная формулировка: она встречает нас в дверях и сразу сообщает, что стены перекрашивали четыре раза, пока не поймали тон.

— Белый вульгарен, кремовый отдаёт столовкой, — говорит она. — А это идеально. Запомните слово, Маргарита. Оно у нас теперь рабочее.

За столом восемь человек: Артём, две Владины подруги с одинаковыми скулами, господин с зачёсом, знакомый мне по смотринам, с супругой, и пожилая пара, которую мне не представляют. Стол сервирован так, что страшно дышать: три бокала, четыре вилки, у каждой тарелки карточка с именем. Моя каллиграфия. Мой поставщик карточек. Влада уже пользуется моими подрядчиками, не дожидаясь свадьбы.

— Ритуль! — Артём салютует бокалом через стол. — А Влада весь день про вас двоих говорит. Я почти ревную. К обоим.

Смеётся первым, стол подхватывает. Дежавю такое плотное, что можно резать ломтями.

Ужин катится по светским рельсам до горячего. На горячем Влада отставляет бокал.

— Покажи кольцо, дорогая.

Не «покажите». На «ты» за вечер перешла она одна, я не спорила: с клиентками этого класса такое входит в тариф.

Протягиваю руку. Влада берёт мои пальцы своими, прохладными, и поворачивает камень к свету. Та же ломбардная хватка, что на смотрах.

— Совсем новое, — говорит она. — Ни царапины. И сидит плотно. Жених не знает размера пальца собственной невесты?

Стол затихает. Подруги со скулами синхронно подаются вперёд.

— Он знает мой рабочий график, — говорю я. — Поверь, это интимнее.

— А размер, выходит, нет. — Влада отпускает мою руку и улыбается всем лицом, кроме глаз. — Я обожаю истории любви, дорогая. Знаешь, за что? Их так интересно проверять на прочность. Считай это моим хобби.

— У каждого должно быть хобби. Моё хотя бы оплачивается.

— Твоё тоже, Владуся, — вставляет Артём. — Просто счета приходят мне.

Стол смеётся, момент съезжает в шутку, и я успеваю выдохнуть половину лёгких, когда на мою руку ложится ладонь. Марк. Пункт третий, одно касание. Ладонь тяжёлая и

тёплая, вопреки всей его климатической зоне.

— Кольцо новое, потому что меняли оправу, — говорит он ровно, ни к кому отдельно. — Камень старый. Семейный.

Пауза. Я поворачиваю голову вместе со всеми: этого не было ни в одном нашем протоколе.

— Семейный? — Влада прищуривается. — Артём, ты знал?

— Первый раз слышу. — Артём улыбается на полсекунды медленнее обычного. — Марк у нас человек-сейф.

— Поэтому цел, — говорит Марк.

И разговор, наткнувшись на его тон, обтекает и уходит в сторону.

Про цветы Влада вспоминает за десертом.

— Ранункулюсы. Весь зал, вся церемония. Не белые и не кремовые: между. Как гостиная. Я такие видела один раз в жизни, в Антверпене.

Записываю. Оттенок «между» в этом городе достаёт единственный поставщик: крохотная студия, парень по имени Лёша, возит штучные сорта под заказ, и замены его цветам нет. Двести стеблей к дате, импорт, живой товар. В списке рядом с этим пунктом я ставлю флажок. Флажок у меня означает: может похоронить.

— Сделаем, — говорю я вслух.

Финальный тост достаётся господину с зачёсом.

— За молодых! — Он встаёт, придерживая бокал на отлёте. — И за то, чтобы после свадьбы наши дома наконец

соединились. Гарин Петрович ждёт этого союза, как никто из нас.

— Папин партнёр, — роняет Влада в пространство. — Сентиментальный человек.

Слово «союз» в тосте о любви звучит как «слияние» в договоре. Я отмечаю это машинально и убираю в дальний ящик. Не моя смета.

В прихожей Марк подаёт мне пальто, и Влада касается моего плеча.

— Спасибо, что пришли, дорогая. Вы чудесная пара. — Улыбка у неё фарфоровая, обжиг высокотемпературный. — Даже слишком.

В машине я пробую стянуть кольцо. С усилием, с вращением, никак. Сдаюсь и оставляю.

— Семейный камень, — говорю я. — Этого не было в легенде.

— Импровизация в границах легенды.

— А если она спросит у вашей матери?

— Не спросит. Проверяющие не любят, когда история оказывается больше, чем они думали. Они любят, когда меньше.

Запоминаю. Против воли, рабочим отделом головы: этот человек разбирается в моём ремесле лучше половины моих коллег.

Дома кольцо сходит только с мылом, и на пальце остаётся вмятина, розовая, ровная, точно по кругу. К утру сгладится.

А вечером всё по новой: впереди месяц выходов, улыбок и чужих проверок на прочность.

Кольцо оказалось на размер меньше. Как и вся моя новая жизнь: втиснули, улыбнись, не показывай, что режет.

Глава 10. Примерка

Платье номер три Влада бракует за то, что оно ей идёт.

— Слишком просто, — сообщает она зеркалу. — Я в нём похожа на невесту.

— Обычно этого и добиваются.

— Обычные. Мне нужно, чтобы зал забыл дышать. Четвёртое.

Салон сегодня работает только на нас: аренда полного зала на три часа, потому что Влада не меряет платья при посторонних. Примерочная размером с мой шоурум, трёхстворчатое зеркало, подиум. Влада поднимается на него не глядя, привычно, с прямой спиной. Девочки ателье носят платья на вытянутых руках, я стою внизу с булавками во рту и подкалываю там, где просело. Чужой атлас, булавки, восьмой дубль за месяц. В этой позе проходит лучшая часть моей жизни, и жаловаться уже поздно.

Четвёртое платье почти побеждает, но Влада находит лишний сантиметр воздуха под лопаткой.

— И вышивку гуще отсюда. — Ноготь черкает по воздуху вдоль ребра. — Чтобы камни ловили свет, когда я иду. Именно когда иду. Стоя пусть молчат.

— Камни будут молчать стоя, — обещаю я и перевожу взмахи ногтя в миллиметры для ателье.

За два часа в блокноте набирается семнадцать правок,

из них одиннадцать взаимоисключающих. Нормальная плотность для невесты её класса: у капризов тоже есть прайс, и Влада заказывает всё верхнее меню. Пятое платье отправляется в опалу вместе с кружевом «как у всех». К шестому мы приходим к исходу второго часа: корсет, гладкая юбка в пол, по спине сорок шесть обтяжных пуговиц. Девочки застёгивают их вдвоём и не успевают, темп не тот, и я поднимаюсь на подиум сама. Пуговица, петля. Пуговица, петля. Руки делают, голова считает: через сорок минут обувь, потом созвон по свету, потом...

Дверь ахает, и в примерочную вдвигается Артём. С букетом.

— Владусь, я на секунду!

— Вон! — Влада прикрывается руками, хотя на ней четыре слоя атласа. — Жених не видит платье до свадьбы!

— Ты же не веришь в приметы.

— Я верю в сюрприз. Это другое. Выйди!

Артём выходит не сразу. Его взгляд обходит примерочную: рейлы, девочек, меня на подиуме за пуговицами. На мне задерживается.

— Сияешь, Ритуль, — говорит он вместо извинения. — Раньше не сияла.

И дверь закрывается.

Пуговица, петля. Я довожу спину до конца, сорок шесть за четыре минуты, личный рекорд сезона, и только потом разрешаю себе выдох. Влада смотрит на меня в зеркало, долго,

и в этом взгляде нет каприза. В нём столбик, который не сходится.

— Кстати, — говорит она. — Я позвонила вашему жениху. Пусть заберёт вас: вы мне сегодня больше не нужны, а ему полезно постоять там, где положено стоять женихам.

Фраза собрана на совесть: в ней и «вы свободны, прислуга», и «посмотрим на вас двоих вблизи». Я улыбаюсь номером четыре и иду звонить насчёт обуви.

Пока Владу расшнуровывают за ширмой, успеваю созвониться с Соней: у неё вопрос по накладной, и от восторга она глотает окончания.

— Привезли образцы карточек! Там голубь целуется с голубем! Показать Владе?

— Соня. Никаких голубей. У нас стилистика без зоопарка.

— А жалко. Они милые.

Целующиеся голуби на карточках: первое, что вычёркивает любой организатор старше двадцати пяти. Соня будет любить их вечно, и за это я её, пожалуй, тоже.

Марк приезжает через сорок минут и ждёт у зеркал, не присаживаясь. Тёмный костюм среди белых платьев выглядит как опечатка в приглашении. Влада к тому времени снова в шестом: крутится на подиуме, ловит камнями вышивки свет.

— Марк, дорогой! — Она не оборачивается, разговаривает с его отражением. — Как вам? Только честно. Вы ведь

умеете только честно.

— Дорого, — говорит Марк.

— Именно это я и хотела услышать.

Меня отпускают. Я собираю кофр: образцы лент, каталог, мел, коробка булавок, планшет с раскладкой. Пальто на локоть. На запястье браслет, тонкий, с мелким замком: утром я застегнула его с третьей попытки, сейчас не выходит и с пятой. Кофр оттягивает руку, замок выскальзывает, я прижимаю его подбородком, что выглядит, подозреваю, не королевски.

Марк подходит без слов. Берёт моё запястье и кладёт себе на ладонь. Пальцы точные, экономные: одно движение, второе, щелчок. Руки ювелира или часовщика. Людям из финансов такие не положены. Он не отпускает запястье ещё секунду. Ровно одну. Пульс под его большим пальцем стучит, кажется, на всю примерочную: застёжка стоит у самой косточки, там, где не спрячешь. Если он и слышит этот стук, то не показывает. Я тоже умею не показывать. Нас таких в комнате двое, не считая Влады.

В зеркале нас трое, шестеро, девятеро: створки размножили. И в каждой створке за нашими спинами Влада. Смотрит.

— Какая забота, — тянет она с подиума. — Даже завидно.

— Протокол, — говорю я легко.

Пункт третий, одно касание на выход, всё по договору. Только вот почему у меня горит запястье, договором не предусмотрено.

В дверях снова возникает Артём, уже без букета: ждал, оказывается, в коридоре. Он смотрит на руку Марка, ещё держащую мою, и взгляд у него меняется. Братьев так не меряют. Так меряют соперников.

— Ты же у нас не по свадебной части, брат, — говорит он.

— Я расширяю портфель, — говорит Марк.

Артём улыбается одними зубами. Между ними проходит короткий разряд, вольт на двести, и я ловлю себя на странном: в этом обмене торгуются чем-то, что не вписано ни в один из наших договоров.

— Владусь, я жду внизу, — бросает Артём и уходит, не взглянув на платье, ради которого приезжал.

Влада провожает его глазами. Потом переводит их на нас, и на её лице снова арифметика.

— До четверга, Маргарита, — говорит она. — Привезёте варианты фаты. И оставьте мне вашего жениха на бранч, семья должна дружить.

Дружить. С ней. Заношу в список отдельным пунктом, с двумя флажками.

В машине Марк молчит, я вычёркиваю сделанное. Обувь перенесена, свет согласован, у ателье три правки. Запястье под браслетом всё ещё держит чужое тепло, и я запрещаю себе об этом думать таким усилием, что пропускаю свой поворот на созвоне с осветителем.

Вечером, уже в кровати, я по привычке прокручиваю список перед сном. Триста пунктов, мои чётки, семь лет без

сбоев. На пункте сто четырнадцать я останавливаюсь. Читаю дважды. Буквы не перестраиваются.

«Подтвердить отпариватель на день монтажа». Пусто. Не подтверждён. Я должна была позвонить в четыре, когда стояла у зеркал. Когда щёлкнул замок браслета. Когда секунда длилась дольше секунды.

Звоню поставщику с утра, всё решается за минуту: отпариватель никуда не делся, поставщик даже не удивился звонку. Никто не умер. Пострадала только моя семилетняя статистика, но её некролог никто, кроме меня, не прочтёт.

Я застёгивала чужое платье и впервые за три года забыла один пункт из списка. Всего один. Но список этого не прощает.

Глава 11. Легенда

Анкету для пар я придумала семь лет назад: сорок вопросов, по которым ведущий собирает историю знакомства, а я собираю сценарий торжества. Семь лет я рассылала её чужим женихам и невестам. Сегодня заполняю сама. На пару «Соколова и Верещагин», у которой послезавтра бранч у Влады с перекрёстным допросом, а истории нет даже в черновике.

Марк приезжает к восьми, когда шоурум закрыт и Соня домывает кофемашину. При виде его она вытягивается, как первоклассница при директоре, и делает вид, что вовсе не уходит, а просто стоит с курткой в обнимку.

— Соня. Домой.

— Ухожу-ухожу! Я только... — Она замирает у двери, глаза круглые. — Можно один вопрос? Личный. Кто из вас первый сказал «люблю»?

Мы отвечаем одновременно:

— Никто.

Соня моргает. Пауза набухает, и я успеваю прикинуть, что вот на таких мелочах легенды и горят.

— Мы люди дела, Сонь, — говорю я. — У нас вместо признаний перенос дедлайнов.

— Это... — Соня прижимает куртку к груди. — Это даже романтичнее. По-настоящему.

Дверь за ней закрывается. Марк провожает её взглядом.

— Утечка номер один.

— Это не утечка, это Соня. Садитесь. У нас сорок вопросов и два часа.

Кладу между нами анкету, наливаю себе кофе, ему чай. Начинаем.

— Вопрос первый. Где познакомились. Отвечать быстро и одинаково: Влада будет спрашивать нас порознь, я бы на её месте так и делала.

— В моём офисе. Вы пришли требовать реструктуризацию.

— Романтично, как акт сверки. — Стучу ручкой по столу. — Но близко к правде, а лучшая ложь шьётся из правды: меньше швов. Оставляем офис, убираем долг. Вы консультировали владельца площадки, я приехала ругаться из-за сорванной брони. Скандал, потом кофе.

— Я не пью кофе после полудня.

— В легенде выпьете.

— Чай. — Голос без наценки. — Деталь должна выдерживать проверку. С чаем меня видели человек триста.

Записываю: «чай». Триста свидетелей его чая. У меня по некоторым свадьбам меньше документации.

— Вопрос девятый. Как миритесь после ссор.

— Мы не ссоримся.

— Так не бывает, и это первый ответ, который нас выдаст. Пары без ссор придумывают люди, которые в парах не жили.

— Хорошо. — Он думает. — Ссоримся о работе. Мирится

тот, кто был прав: у победителя больше ресурсов.

Записываю дословно, потому что лучше не совру. Странная закономерность: чем циничнее его формулировки, тем правдоподобнее наша история. Публика верит в несовершенное.

— Вопрос семнадцатый. Первый подарок.

— Кольцо.

— До кольца. Влюблённые что-то дарят, это статистика.

— Термос, — говорит он вдруг. — Вы работаете ночами на холодных площадках.

Я поднимаю голову. Про ночные монтажи в легенде нет ни слова.

— Откуда вы...

— Публичные страницы вашего агентства. Соня выкладывает бэкстейджи.

Конечно. Аналитика, а не внимание, у него всё по описи. Записываю «термос», и почему-то этот несуществующий термос греет лучше некоторых существующих подарков.

— Вопрос четвёртый. Кто первый позвонил после знакомства.

— Вы.

— Почему сразу я?

— Мне звонить незачем. А вы человек дела: у вас был вопрос.

Секунду я ищу, чем крыть, и не нахожу. Ненавижу, когда у него логично.

— Принято. Вопрос седьмой, первое свидание. И не говорите «ужин». «Ужин» отвечают все, кто врёт.

Он думает. По-настоящему, неподвижно, глядя в одну точку над моим плечом.

— Я вёз вас домой после переговоров. Был дождь, город встал. Мы простояли час на набережной.

— И о чём говорили целый час?

— Сначала о работе. Потом нет.

Я записываю «дождь, пробка, набережная» и ловлю себя на том, что вижу эту пробку: стеклоочистители, жёлтые огни на мокром стекле, чужое тепло на соседнем сиденье. Хорошая деталь. Не проверяется и запоминается.

— Годится. Учитесь врать на глазах.

— Учусь у лучших в городе.

Я не сразу соображаю, что это был комплимент. По его тарифам, размером с квартальный бонус.

Дальше идём быстрее. Предложение: дома, за ужином, без кольца в бокале, утверждено ещё на переговорах. Кольцо: семейный камень, новая оправка, спасибо его импровизации, теперь она задокументирована. Сроки: полгода, с октября, общих фотографий нет, мы непубличные. На вопросе про совместные планы он предлагает «расширение бизнеса», я меняю на «дом за городом»: в дом Влада поверит, в романтику расширения только налоговая.

Потом устраиваю прогон. Стреляю вопросами вразнобой, во Владином темпе: где первый поцелуй, чей кофе, кто за

рулём, какая дата. Он отвечает без пауз, ровно, ни разу не перепутав легенду с жизнью. К двадцатому вопросу мне дается не по себе: так гладко врут либо профессионалы, либо люди, которым давно нечего рассказать о себе правдивого.

— У вас пугающе хорошо получается.

— У меня было тридцать восемь лет практики.

Он говорит это как факт, без просьбы о жалости. От этого фраза весит тяжелее вдвое.

На тридцать первом вопросе я спотыкаюсь.

— «О чём вы жалеете больше всего». — Тянусь пропустить: в нашем случае вопрос лишний, ведущему такое не отдадут.

— Однажды поверил не тому, — говорит Марк.

Ровно, тоном для реквизитов. Я поднимаю глаза. Он смотрит мимо меня, в тёмную витрину, где среди манекенов отражаемся мы двое и его часы на столе.

— Дорого обошлось, — добавляет он.

— Кому вы...

— Вопрос тридцать два.

Часы уходят со стола на запястье, щёлкает застёжка. Тема закрыта, дверь заварена, добро пожаловать в следующий пункт. Я не настаиваю: знаю эти двери, у самой таких три.

На тридцать девятом вопросе происходит непредвиденное.

— «Опишите партнёра одним словом».

— Смета, — говорит он сразу.

— Что?

— Вы всё переводите в смету. Риски, людей, себя. Одно слово, как заказывали.

Я открываю рот, чтобы защищаться, и закрываю. Крыть нечем, второй раз за вечер. Тогда честно, в тон:

— Часы.

Пауза длится два деления секундной стрелки. Потом он коротко выдыхает носом, раз, другой, и я с опозданием опознаю в этом звуке смех. Настоящий, только сжатый до двух выдохов. И тут смеюсь я, в голос, впервые за эти сумасшедшие две недели: над «сметой», над «часами», над тем, что два взрослых человека сочиняют себе любовь по опроснику, и получается у них лучше, чем в жизни.

— Занесём в протокол? — спрашиваю, отсмеявшись.

— Не стоит. — Он почти улыбается. У него это выглядит как лёгкий наклон головы. — Это вне легенды.

Вне легенды. Надо же. У нас появилось что-то вне легенды, и никто не внёс его ни в один документ.

Он уезжает в одиннадцатом часу. У двери оборачивается, застёгивая ремешок часов:

— Бранч в субботу. Приеду в десять сорок.

— В десять тридцать пять. Резерв.

— Учитесь, — говорит он, и я почти уверена, что голос теплеет на полградуса.

Я остаюсь гасить свет и по привычке перечитываю анкету с начала: дождь, набережная, чай, термос, семейный камень,

дом за городом. Сорок ответов, ни одного правдивого. На середине списка я останавливаюсь и перечитываю ещё раз, медленно, как чужое любовное письмо.

Наша выдуманная история звучала честнее моей настоящей. Наверное, потому, что в ней никто никого не бросил.

Глава 12. Ужин с врагом

— А вдовца посадите рядом со мной, — говорит дама в изумрудах вместо приветствия. — Раз уж Маргарите он больше не достался.

Стол ещё не сел, а счёт уже открыт. Ноль один в пользу изумрудов.

Мы с Марком приехали за десять минут до начала, и эти десять минут я потратила на разведку: зал полукругом, стол на девять персон, у дальней стены пианист играет что-то необязательное. Официанты вышколенные, значит, сцен не будет. Будут уколы. Уколы хуже: против сцены существует протокол, против укола только выдержка.

Рабочую встречу по рассадке Влада назначила в ресторане с колоннами, на восемь вечера, при полном составе: она, Артём, дама в изумрудах, господин с зачёсом с супругой, вдовец с осанкой и подруга со скулами. Официальная цель: утвердить схему на четырёхста персон. Настоящая: посмотреть на нас с Марком в неволе, при свидетелях и правильном освещении.

Карточки на столе раскладывала не я. Моя, с фирменным завитком, стоит между вдовцом и подругой. Марк, по замыслу художника, на другом конце, между дамой и Владой.

Марк берёт свою карточку, обходит стол и меняет её местами с вдовцовой. Молча.

— Это черновик рассадки, дорогой, — Влада складывает губы бантиком. — Проверяла внимательность.

— Прошёл? — спрашивает Марк, отодвигая мне стул.

— Блестяще.

Первый час мы работаем, и работать с Владой, отдам ей должное, можно: она держит в голове все четыреста фамилий, помнит, кто с кем судился, кто с кем разводился и кого нельзя сажать спиной к сцене, потому что «у него спина главное лица». Я веду схему и ставлю флажки на минные фамилии. Флажков выходит одиннадцать.

— Кошелевых к сцене, — диктует Влада. — Они громкие, пусть работают фоном. Дубровиных к окну: у Дубровиной новый муж, ей нужен свет. Рину Малич ближе к проходу, она снимает ролики, пусть снимает красивое.

Я записываю, и рука на секунду тяжелеет. Кошелевы. Дубровины. Рина Малич. Все они были на моей несвадьбе, в третьем и пятом ряду, и звук, который тогда сделал зал, я до сих пор узнаю в любой фонограмме. Через месяц они сядут по моей схеме. Праздновать. На моей работе.

— Что-то не так, дорогая?

— Всё так. Уточняю сектор для Малич.

— Стол для одиноких оставляем, — говорит Влада, не поднимая глаз от схемы. — Он смешной.

— Он жестокий.

— Я и говорю: смешной.

Я записываю «стол № 18, одиночные гости» и не спорю.

За этот стол она мысленно уже усадила меня, просто жизнь внесла правку в её рассадку.

— Марк, дорогой. — Влада поднимает глаза от схемы, между делом, разминочно. — А какие цветы любит ваша невеста?

— Ранункулюсы, — говорит Марк. — Между белым и кремовым.

Влада замирает на полтакта. Он только что вернул ей её собственный заказ, как теннисист возвращает подачу: без замаха, точно в линию. Проверить нельзя, придраться не к чему.

— Какое совпадение, — говорит она.

— Вкус у нас семейный, — говорит Марк.

За горячим начинается вторая программа вечера.

— Маргарита, деточка. — Дама в изумрудах наклоняется через стол, камни ловят люстру и пускают мне в глаза зайчики. — А расскажите, как ваш Марк делал предложение! Такой мужчина... Наверняка что-то грандиозное. Яхта? Оркестр?

— Дома, — говорю я. — За ужином. Без оркестра.

— И без кольца в бокале, — добавляет Марк. — Кольцо в еде это риск.

Дама моргает. В её мире расчётливость и романтика ещё не встречались в одном предложении.

— Без свидетелей, — уточняет Влада, и слово «свидетелей» она подаёт как на очной ставке.

— Экономично, — Артём крутит бокал за ножку. — Узнаю брата. Даже предложение оптимизировал.

— Зато пришёл.

Получается тихо и само. Стол дружно делает вид, что не слышал, только у Артёма на скуле дёргается что-то мелкое, и бокал в его пальцах перестаёт вращаться.

— Ну а свадьба когда? — Дама не отпускает. — Вы же понимаете, деточка, в вашем положении тянуть нельзя. Годы. И потом, всякое бывает... — Она обмахивается сложенной салфеткой. — Вы уж держите его покрепче. А то ведь публика второй раз на ваш алтарь не соберётся. Мест не хватит.

Смешок идёт по столу волной: кто в салфетку, кто в бокал. Вдовец наклоняется и доверительно сообщает моему плечу:

— Если что, моё предложение в силе. Я человек надёжный, не то что молодёжь.

Стол уже не сдерживается. Смеются, что интересно, не зло. Буднично. Для них это разминка между переменами блюд, вроде лимонного сорбета: освежить небо за чужой счёт. Я и есть сорбет сезона.

Под скатертью мой палец сам находит телефон, ложится на список, листает вслепую: пункт, пункт, пункт. Улыбка номер семь стоит на месте, я проверяла её на двухстах банкетах. Выдержит и этот. Должна выдержать.

— Она со мной, — говорит Марк.

Негромко. Он вообще понижает голос там, где другие повышают. Три слова, и в них цена отсечения: торги окончены,

предмет с аукциона снят.

Тишина накрывает стол вместе с десертными приборами. Дама в изумрудах внезапно поглощена бужениной. Вдовец поднимает бокал и долго изучает вино на просвет. Подруга со скулами приоткрывает рот и забывает закрыть.

Артём ставит бокал, и ножка звякает о тарелку громче, чем он хотел. Взгляд у него тёмный, без витринной подсветки. Таким я его видела однажды: когда инвестор при всех назвал его проект красивой пустышкой.

Влада переводит глаза с Марка на меня, с меня на Марка. И что-то записывает, только не в телефон, а внутрь себя.

— Кофе всем, — говорит она наконец безупречно светски. — И десертное меню. Дорогая, у нас ещё оркестр не согласован.

Оркестр мы согласовываем за двадцать минут: состав восемнадцать человек, медь потише, вступление по свету, а не по сигналу ведущего. Вечер сворачивается сам собой. В гардеробе Марк подаёт мне пальто, я попадаю в рукава со второго раза. В зеркале его лицо обычное, нечитаемое: пункт третий, поддержка легенды, страница один. Может, так и есть.

Только в договоре у нас про касания. Про «она со мной» там нет ни строчки, я сама составляла.

— Спасибо, — говорю я уже в машине, глядя прямо перед собой.

— За что?

— За вычеркнутый пункт из вечера. «Пережить ужин в

одиночку».

Он не отвечает. Только со светофора трогается чуть мягче обычного, если у машин бывает «мягче». Возможно, мне мерещится. Возможно, мне впервые за долгое время хочется, чтобы не мерещилось.

Дома, вычёркивая пункты прожитого дня, я всё ещё слышу эти три слова. За меня никто никогда не вступался: ни у алтаря, ни после. Я справлялась, я умею, у меня и графа такая в смете: «справиться, своими силами». Сегодня графу закрыл другой человек, тихим голосом, без сметы.

И весь стол услышал это громче любого тоста.

Глава 13. Петля

— Маргарита Андреевна, у вас, кроме основного кредита, открыта ещё линия, — говорит банк. Моё дело там дочитали до конца. — Кредитная линия на пополнение оборотных средств. Договор не переуступался, остался у нас. И ковенант по обороту в нём тот же.

— Переведите.

— Падение оборота зафиксировано и по нему. Юридический департамент подал заявление об обеспечительных мерах в отношении залогового имущества. Определение суда ждём со дня на день.

— Ещё раз переведите.

— Здание могут опечатать до разбирательства. Мне жаль.

«Мне жаль» он произносит тоном метрополитена: двери закрываются. Я благодарю, кладу трубку и с минуту смотрю на собственную вывеску за окном. У банка, выходит, два поводка. Один я перекупила вместе с Марком, второй всё это время лежал в ящике и ждал, когда я перестану про него помнить. Семь лет назад эта линия закрыла мне два кассовых разрыва и казалась дружеской рукой. У рук, протянутых банками, есть срок годности и мелкий шрифт.

— Стоп. — Я набираю менеджера снова. — У меня контракт на крупнейшую свадьбу сезона. Гонорар покрывает остаток по линии дважды. Я могу предоставить договор.

— Мы видели договор, Маргарита Андреевна. И договор уступки тоже. Ваш гонорар идёт третьему лицу. Формально ваша выручка сейчас не ваша.

Вот она, красота конструкции. Моё спасение оформлено так, что в банке читается как петля: спасательный круг, надетый на шею.

До обеда я успеваю позвонить в два других банка, знакомому финансисту из прошлой жизни и Ромашову. Банки отвечают вежливым «пришлите отчётность», что в переводе значит «нет». Финансист советует переждать турбулентность, поглядывая на собственные новые часы. Игорь Львович слушает дольше всех.

— Рита, я старый трус, — говорит он наконец. — В историю, где уже стоят приставы, я не вхожу даже с фонарём. Достойте свадьбу. Деньги любят финалы.

Хоть кто-то верит в мои финалы. Жаль, вера Ромашова не принимается к оплате.

Утром в девять ноль-ноль я отправляю Марку первый взнос. День в день, как обещала в его стеклянной переговорной. Скрин платёжки улетает следом.

«Первый взнос ушёл.»

«Вижу.»

Одно слово. Я ловлю себя на том, что жду второго, какого-нибудь «принято к сведению», и злюсь на это ожидание отдельной строкой. Соня приносит кофе, смотрит на моё лицо и уносит кофе обратно греть.

В полдень меня ждут на канале.

Стеклянная переговорная, продюсер с планшетом, на экране макет заставки: «Свадьба века. Хроника». Влада сидит во главе, в белом. Репетирует.

— Камеры на всех этапах подготовки! — Продюсер листает слайды. — Примерки, дегустации, монтаж, прямые включения. Финал в день торжества, шесть часов эфира. И вторая линия! — Он поворачивает планшет ко мне. — Организатор свадьбы сама выходит замуж. За брата жениха! Зрители такое обожают: две истории любви, одна семья.

— Я за кадром, — говорю я. — Профессиональный кодекс: организатор невидим. Никто не хочет смотреть на булавки.

— Пункт восемь и три, — Влада даже не открывает документ, называет по памяти. — PR-сопровождение проекта по требованию заказчика. Ваша подпись, дорогая.

Я листаю в голове собственный контракт и упираюсь в собственную подпись. Юристы писали его с любовью, я даже помню эту строку: мелким кеглем, между страховкой и форс-мажорами. Безобидная строка. Тогда.

— Требую. — Влада разводит пустые ладони. — Ничего личного. Только рейтинг.

— Съёмки быта! — оживляется продюсер. — Утро пары, завтрак, милые мелочи. Куда группе приезжать?

Пауза висит недолго, а весит тонну. Гостиница отпадает: вскрыют за сутки. Моя съёмная студия отпадает вдвойне: там

на жениха не намекает даже зубная щётка. И я слышу собственный голос, который называет адрес Марка. Улицу, дом, этаж. Диктую ровно, без запинки, и по дороге успеваю удивиться: с какой стати я помню его этаж?

— Чудесно, — Влада записывает. — Со среды, дорогая. Живите красиво.

У лифта она догоняет меня, голос сахарный, как глазурь на казённом торте.

— И ещё, дорогая. Группа любит детали. Общие полотенца, две чашки, тапочки. Зрителя не обманешь.

— Зритель получит всё.

— Надеюсь. — Она нажимает кнопку лифта за меня, заботливо. — Очень люблю документальное кино. В нём всегда видно, где постановка.

В шоуруме Соня встречает меня в состоянии предпраздничного салюта.

— Мы будем в телевизоре! Рита, наш логотип будет в титрах! Мама уже всем позвонила, кроме кардиолога!

— Соня, это рабочий проект.

— Это национальный эфир! — Она прижимает папку к груди обеими руками. — Про вас с Марком Сергеевичем будут смотреть миллионы. Про настоящую любовь сейчас знаете как мало показывают. А можно я в кадре буду в фирменной футболке? У нас есть фирменная футболка?

— Будет, — обещаю я. Теперь будет. Пиар так пиар.

Про настоящую, да. Я улыбаюсь ей и иду к себе, и улыбка

по дороге сползает, как наклейка с холодного стекла.

Вечером я сижу в шоуруме одна и слушаю демо оркестров. Наушник в ухе, оркестр номер три играет Мендельсона в джазовой обработке, для четырёхсот гостей нужен состав побольше и медь потише. Демо номер четыре открывается вальсом, и я ставлю плюс: вальс возьмём, вступление по свету, в девятнадцать сорок одну, когда солнце ляжет за спины молодых. Красивая выйдет свадьба. Лучшая в моей карьере, как ни считай, и считать это почему-то большее всего.

Соня ушла в восемь, унесла стопку приглашений на подпись. Перед уходом спросила, можно ли завтра прийти пораньше: «пока у нас ещё есть куда приходить». Она хотела пошутить. Мы обе сделали вид, что получилось.

Часы над дверью, первая покупка для этого шоурума, стучат в паузах между треками. Семь лет назад я повесила их сама, криво, потом перевесила.

Телефон мигает второй линией. Банк.

— Определение вынесено, — говорит менеджер. — Меры удовлетворены. Исполнение на этой неделе. Приставы предупреждают за... — Он осекается. — Вообще-то они не обязаны предупреждать.

— Спасибо, — говорю я. — Что похороны по расписанию. Он не смеётся. Правильно делает: я тоже.

Кладу трубку. В ухе оркестр доигрывает марш, красиво доигрывает, с этой их фирменной оттяжкой на последнем такте. За витриной вечерняя Мясницкая: фонари, чужие

тёплые окна, моя вывеска. На вывеске месяц назад перегорела буква «Э», я всё откладывала замену. Теперь, возможно, и не придётся. Семь лет, три этажа, восемьсот папок счастливых финалов в архиве, разобранных по алфавиту.

До чужой свадьбы три недели. До приставов неделя. До среды, когда камеры приедут снимать мой «быт пары», два дня. Все дедлайны города опять сошлись на мне, прожекторами в одну точку. Публика приглашена, программка отпечатана.

Часы тикали громче оркестра. И Мендельсон в наушнике всё заметнее сбивался на похоронный марш.

Глава 14. На камеру

Петличку мне цепляют под воротник жакета, и звукорежиссёр просит сказать что-нибудь для проверки уровня.

— Смета, — говорю я.

— Уровень отличный, — кивает он. — Слово только странное.

Нормальное слово. Успокаивающее.

Площадка будущего торжества сегодня похожа на съёмочный павильон: софиты на штативах, кабели вдоль колонн, три камеры, ведущая канала с улыбкой на четырёста люкс. Прямое включение, старт «Свадьбы века», хроника, день первый. Влада в белом дневном платье ведёт ведущую по залу, как экскурсовод по собственному музею. Артём даёт интервью у окна, свет на скулах лежит послушно.

Мой выход короткий и рабочий: концепция церемонии. Я говорю про золотой час, про то, что оркестр вступит не по сигналу, а по солнцу, в девятнадцать сорок одну, и что гости увидят закат ровно за спинами молодых. Ведущая ахает в нужном месте. Я укладываюсь в отведённые сорок секунд: за кадром прожито восемьсот таких секунд, эта ничем не хуже.

А потом Влада берёт ведущую под локоть.

— И это ещё не всё! — Голос у неё праздничный, разливной. — У нашей свадьбы будет сестрёнка. Маргарита, наш гений, тоже невеста! И знаете, за кого она выходит? — Пау-

за на три такта, камера наезжает на меня. — За брата моего Артёма!

Аплодирует съёмочная группа. Аплодирует, кажется, даже осветитель на стремянке. Ведущая разворачивается ко мне всем корпусом, и я вижу в чёрном зрачке объектива крошечную себя: прямая спина, улыбка, руки, сцепленные на планшете, чтобы не искали телефон.

Марка вытягивают в кадр из-за колонны, где он стоял, будто зашёл проверить пожарные выходы. Он подходит не торопясь, встаёт рядом, берёт мою руку. Пункт третий. Одно касание.

— Поздравляем! Когда же ваша свадьба? — сияет ведущая.

— После этой, — говорит Марк.

Группа смеётся. Ведущая просит: «Скажите ей что-нибудь! В камеру!» Марк не поворачивается к камере. Он смотрит на меня.

— Держись, дорогая. Съёмка скоро закончится.

«Дорогая». Слово из чужого словаря: в его прејскуранте такого нет, я изучила весь ассортимент. Это легенда, произнесённая для протокола, для Влады, для шести миллионов зрителей. Я это понимаю, честно понимаю. И всё равно секунду стою в его «дорогая», как в тёплой воде.

Артём аплодирует вместе со всеми, чуть дольше всех. Потом просит камеру на себя.

— Я счастлив за брата. Марк всегда умел... — пауза, улыбка

ка в объектив, — выбирать лучшие активы.

Группа умиляется. Я держу улыбку и отмечаю про себя: в этой семье даже поздравления проводят по бухгалтерии.

У Влады чуть щурится левый глаз. Витрина ей нравится. Витрину она и заказывала: теперь всю нашу легенду можно рассматривать в прямом эфире, круглосуточно, с любого ракурса.

Во внутреннем кармане жакета оживает телефон. Вибрирует и затихает. Снова вибрирует. Я улыбаюсь в объектив и рассказываю про закатный свет, а карман бьётся о ребро вторым сердцем, аритмичным. Между дублями заглядываю в экран.

Соня. Шесть пропущенных. СМС лесенкой:

«Рита тут люди с бумагами»

«говорят суд»

«они клеят что-то на дверь»

«РИТА»

Дальше я говорю в камеру ещё четыре минуты. Про любовь, которая «случается, когда её не планируешь». Текст лился сам: оказывается, у меня и на это есть заготовка. Ни одной камере не досталось моего лица без улыбки. Мама могла бы продавать мастер-классы.

На Мясницкую я приезжаю через сорок минут. Эфир едет за мной следом, сердечками в телефоне.

На двери шоурума бумага с синей печатью, поперёк ручек ленты. Буквы казённые, ровные: «опечатано», ниже число и

подпись. Семь лет я вешала на эту дверь таблички «открыто с десяти» и гирлянды к сезонам.

Соня сидит на ступеньках в куртке не по погоде и обнимает два ноутбука, как эвакуированных детей.

— Они разрешили взять только самое... я не знала, что брать. Я взяла сервер и папку договоров. И вашу чашку. — Она всхлипывает. — Чашку, наверное, не надо было, да?

— Чашку надо было в первую очередь, — говорю я, и Соня улыбается сквозь мокрое. Улыбка выходит кривая, но настоящая. Весь наш инвентарь теперь такой: что успели спасти.

Сквозь витринное стекло виден первый этаж: манекены в белом стоят по местам, свет выключен, и над стойкой висит гирлянда бумажных журавликов, самая первая, с банкетного зала у метро. Журавлики остались по ту сторону печати. Зимовать.

— Сказали, до решения суда, — Соня шмыгает. — Это недели, Рит. Или больше.

Телефон тренькает. На секунду я жду банк, но это Вероника, невеста с оторванной пуговицей, у которой месяц назад всё сошлось.

«Маргарита, видела эфир!!! Поздравляю!!! Вы заслужили счастье как никто!»

Я смотрю на печать на собственной двери и печатаю «Спасибо!» с восклицательным знаком. Знак стоит ровно. Рука не дрожит: руки у меня самая дисциплинированная часть орга-

низма.

Моя съёмная студия отсюда в двух кварталах. Вся личная жизнь помещается там в шесть коробок, проверено тремя переездами. Теперь к багажу добавился седьмой пункт, невидимый: агентство без адреса, команда из двух человек и восемьсот чужих счастливых финалов, до которых не дотянуться.

Машина Марка появляется у бордюра без звонка. Он выходит, читает бумагу на двери целиком, до подписей, как читает всё.

— Ваши юристы могут это оспорить? — спрашиваю.

— Могут. Недели через три. — Он поворачивается. — До среды вам нужно съехать и разместить агентство. Съёмочная группа приедет по адресу, который вы продиктовали.

— Вы уже знаете.

— Мне прислали график съёмок на согласование. Я ваш жених, — напоминает он без выражения.

Я перебираю варианты вслух, по привычке, как смету: гостиница вскроется за сутки, у Сони однушка с мамой и кардиологом. Третий вариант, мамин, я не произношу даже про себя целиком.

— Левое крыло свободно, — говорит Марк. — Ключи у консьержа. Агентство пока разместите в переговорной на моём этаже, пропуска будут утром.

— У меня есть выбор?

— Есть. Между этим и срывом легенды.

Он смотрит мимо меня, на витрину. На журавликов за стеклом, одну долгую секунду. Потом на часы.

— Собирайтесь. Я подожду.

Соня несёт коробку к его багажнику на вытянутых руках и опускает без единого стука. С заднего сиденья она шёпотом спрашивает, можно ли поставить сердечко под постом Рины Малич: «для конспирации». Можно, Соня. Нам теперь можно всё, кроме правды.

Телефон в моём кармане не умолкает: сердечки, «поздравляем», «какая пара». Малич уже запостила скрин эфира с подписью «Королева свадеб дождалась своего короля». Два миллиона просмотров к полуночи, я знаю её статистику.

Поздравления сыпались в прямой эфир. А я стояла и думала одно: куда сложить всю прежнюю жизнь, если здание опечатали, а комнату мне выделил человек, который его и отнял.

Часть 2. Как настоящая

Глава 15. Соседи

Матовый скотч на паркете я вижу раньше, чем люстру.

Полоса идёт от прихожей через гостиную, огибает диван и утыкается в коридор левого крыла. Выклеена по линейке, углы под девяносто градусов. Я стою над ней с чемоданом в руке, за моей спиной консьерж заносит второй чемодан и кофр с образцами.

— Граница съёмочной зоны, — говорит Марк. — Оператор размечал вчера. Гостиная, кухня и прихожая в кадре. Крылья приватны, камеры туда не заходят, это зафиксировано в договоре с каналом.

— Вы вписали в договор с каналом скотч?

— Я вписал приватные зоны. Скотч для наглядности.

Ну разумеется. У этого человека даже граница личной жизни существует в двух экземплярах: юридическом и матовом.

В этом доме лифт пахнет ничем, а консьерж помнит гостей по машинам. Меня он записал в журнал невозможно: судя по лицу, видел здесь всякое, но невесту с кофром образцов и жениха с графиком погрузки в телефоне наблюдает впервые.

Квартира большая и выстуженно-аккуратная. Мебели немного, и вся она стоит правильно и ни для кого. Фотографий нет. Даже провода спрятаны. Если бы мне дали эту квартиру как площадку, я бы сказала клиенту: отличный зал, добавим человеческое в декоре.

Моя комната в левом крыле: кровать, шкаф, письменный стол. И лампа. Настольная, с жёлтым тканевым абажуром, тёплая, из другого фильма. Она стоит на столе, как гостья, которая пришла раньше меня и знает про этот дом что-то, чего не знаю я. Чья она была, я не спрашиваю. У чужих несущих стен не бывает экскурсий.

Зато есть окно во двор, широкий подоконник и розетка ровно там, где нужна: кто-то ставил этот стол для работы, а не для мебели. Я раскладываю своё: ноутбук, зарядки, косметичку, кофр в угол. Пять минут, и комната делает вид, что я здесь живу. Мы обе врём убедительно.

Разбор вещей занимает сорок минут. Потом мы встречаемся на кухне, и Марк кладёт передо мной лист бумаги. Отпечатанный, с полями.

«Порядок квартиры». Клининг по вторникам и пятницам. Тишина после двадцати трёх. Посудомоечная машина запускается при полной загрузке. Продукты не смешиваются.

Я читаю до конца, открываю сумку и достаю свой лист. Тоже отпечатанный, ещё утром, в переговорной его же офиса, где теперь живёт моё агентство.

«Требования съёмщика». Кухня свободна с семи до вось-

ми. Вторая полка холодильника моя. Стиральная машина: чётные дни. В мои сроки сдачи проекта возможны звонки после двадцати трёх, считать форс-мажором.

Мы обмениваемся документами через стол, как парламентарии картами разминирования. Он читает быстро, по диагонали, потом второй раз, медленно.

— Пункт первый. Зачем вам целый час кухни?

— Затем, что я не разговариваю до первого кофе. А вы наверняка встаёте в шесть.

— В пять сорок.

— Тем более. Успеете всё до моей эры.

— Принято. — Он делает пометку. — Пункт про звонки согласен с правкой: не позже полуночи. После полуночи форс-мажоры переходят в разряд катастроф, а катастрофы я предпочитаю встречать выпавшимся.

— Это была шутка?

— Это был регламент.

Мы работаем над двумя листами ещё полчаса. Торгуемся за полку в холодильнике, за право передвигать кресло, за температуру в гостиной: он держит двадцать один, я требую двадцать три, сходимся на двадцати двух и решаем не сообщать об этом термостату друг друга. В какой-то момент я ловлю себя на том, что мне почти хорошо: переговоры, позиции, компромиссы. Родная стихия. Мы делим квартиру вежливо, письменно и с картами.

Подписываем оба листа. Два экземпляра, разумеется.

Агентство теперь живёт на его этаже в башне: переговорная со стеклянной стеной, два ноутбука, спасённый сервер и Соня, которая за день подружилась с охраной, рецепцией и кофемашиной уровня «космический корабль». Днём она прислала фото: наш логотип, распечатанный на А4, приклеен к стеклу переговорной изнутри. Подпись: «чтобы было по-настоящему». По-настоящему, Соня. Именно так у нас теперь всё.

Вечером обнаруживается то, чего нет ни в одном экземпляре. Ужин. Регламент поделил плиту и полки, но не ответил, что делают два человека в восемь вечера на одной кухне, если они не пара, не друзья и не совсем чужие.

Мы решаем это, не решая. Он разогревает свою еду и открывает ноутбук на своём конце стола. Я собираю свой ужин и раскладываю сметы на своём. Между нами метра полтора нейтральных вод, чайник и солонка. Тишина стоит не ледяная, а рабочая: стук его клавиш, шорох моих бумаг. С чужими такой тишины не бывает, а какая бывает с ним, я пока не выяснила.

В половине девятого он молча пододвигает мне хлебную корзинку: я потянулась, не дотянулась, он засёк. В девять я так же молча доливаю ему чай. Дипломатия жестов, посольский уровень, ни одного лишнего слова за вечер.

— Смета по флористике, — говорю я в десятом часу, не поднимая головы. — Если Лёшин ранункулюс замёрзнет на таможне, у меня нет плана «Б».

— Сколько стоит план «Б», если его построить?

— Как треть свадьбы.

— Значит, стройте план «А» так, чтобы не замёрз.

Совет на миллион, спасибо. Но произнесён он тоном, каким у нормальных людей звучит «я рядом, разберёмся», и я, к собственному удивлению, слышу второй слой раньше первого.

В одиннадцать он закрывает ноутбук, желает мне ровным голосом спокойной ночи и уходит в правое крыло. Я остаюсь дожидать смету, потом сдаюсь и ухожу в левое.

Чужая кровать. Я по привычке ложусь слева, на автомате, и долго смотрю в незнакомый потолок. За стеной тихо. Даже вода в трубах молчит. Как он живёт в этой тишине годами, один, по регламенту? В моей прежней студии за стенкой сосед учился играть на саксофоне, и я его ненавидела. Сегодня я бы, пожалуй, послушала.

В студии остались мои шесть коробок, разобранные наполовину. Часть жизни я привезла сюда, часть заперта печатью на Мясницкой, и целой меня теперь нет ни по одному адресу города. Смешно: полжизни я собирала свой дом по кирпичу, а разнесли его по трём адресам за одну неделю.

Телефон показывает час ночи. Печать на Мясницкой, журнальчики за стеклом, приставы, камеры со среды. Я перечисляю свои катастрофы по списку, и ни на одной не засыпаю.

Засыпаю на другом: на жёлтом абажуре. Лампу я так и не выключила. Тёплое пятно света стоит в чужой комнате,

единственный обжитый метр на всю квартиру.

Мы поделили квартиру по смете: метраж, полки, тишину. Себя поделить забыли. И это оказалась единственная строка, на которую никто не дал гарантии.

Глава 16. Зубная щётка

Война начинается со стакана для бритвы.

В моём крыле есть душ и раковина, но зеркальный шкаф там пуст и мал, а большая ванная общая, на нейтральной территории. Вечером первого дня моя розовая зубная щётка пересекает границу и встаёт в свободный стакан справа от краёна. Утром выясняется, что стакан не свободный. Это стакан для бритвы: бритва лежала на подставке, я не опознала гарнитур.

Жду депортации. Депортации не происходит. Бритва молча переезжает на стеклянную полку выше, щётка остаётся в стакане: розовая, легкомысленная, единственный цветной предмет на весь этот музей серого. Каждое утро я смотрю на неё. Мой разведчик в тылу противника. Держится.

О щётке мы не говорим. В регламенте её нет: вписать её туда значило бы признать, что мы обсуждаем мою зубную щётку в его ванной, а до такого уровня близости наша сделка не дописана.

Остальные фронты открываются по расписанию.

Посудомоечная машина. Я загружаю её по принципу «всё влезло», он перезагружает по калибру и классу загрязнения, тарелка к тарелке, как патроны в ленте. Я нахожу свои чашки переставленными и переставляю обратно. На завтра они снова стоят по калибру. Ни слова не произнесено, война идёт

чисто, по конвенции.

Кофе. Мой сироп «солёная карамель» стоит между его чёрными банками без этикеток и выглядит контрабандой. Каждое утро я жду, что он выскажется. Он не высказывается, только однажды берёт бутылку, читает состав до конца, ставит на место и молчит так выразительно, что сироп, по моему, сам стыдится.

Кондиционер. Он держит двадцать один, я поднимаю до двадцати трёх, подписанный компромисс «двадцать два» не соблюдает никто. Панель у двери стала полем переписки: каждый проходящий восстанавливает свою цифру. Если бы взгляды регулировали климат, техника была бы не нужна.

Окно. Он проветривает кухню ровно десять минут в семь утра, по таймеру. Я открываю, когда душно, то есть когда захочу. Однажды мы сталкиваемся у одной рамы: я открываю, он закрывает, его рука ложится на ручку поверх моей. Секунда выходит неловкая и длинная. Окно остаётся полуоткрытым: первый в истории этой квартиры компромисс, достигнутый без бумаги.

На третий вечер я нарушаю режим тишины: поставщик света взрывается переносом монтажа, и в двадцать три тридцать я хожу по своей комнате с телефоном и считаю вслух чужие штрафные санкции. Дверь я не закрыла. Когда поднимаю глаза, Марк стоит в коридоре, в футболке, без часов. Без часов я вижу его впервые: запястье голое, со светлой полосой от ремешка.

Показываю одними губами: форс-мажор. Он кивает и уходит. Утром у моей двери лежит лист с его ровным почерком, буква к букве: «Поправка к регламенту, п. 4: форс-мажоры до полуночи без согласования». Подпись. Дата.

Уступка, оформленная письменно. Кажется, на его языке это называется заботой. Я подшиваю лист к нашим экземплярам и ловлю себя на том, что улыбаюсь бумаге. Дожили: меня трогают поправки к регламенту.

А этой ночью, в половине второго, я иду на кухню за водой и вижу свет. Не в кухне, в кабинете: дверь приоткрыта, полоса жёлтого лежит поперёк коридора.

Марк сидит за столом, и я не сразу понимаю, что вижу. На столе бархатная подложка, на ней разложены детали: шестерёнки мельче ногтя, пружины, крошечные отвёртки в ряд. В правом глазу у него чёрный ювелирный окуляр. Пинцетом он держит что-то невидимое и опускает в открытый корпус часов. Старых, механических, со стёртой позолотой.

Я стою в коридоре босиком и смотрю дольше, чем позволяют приличия и регламент. В этом доме, где всё по калибру, человек в час ночи копается в шестерёнках, и лицо у него другое. Не переговорное. Сосредоточенное и тихое.

За его спиной узкий шкаф со стеклом, из коридора его не видно, а отсюда видно: там стоят часы. Штук двадцать, старые, разные: карманные, каминные, один корабельный хронометр. Ни одни не идут, стрелки замерли кто где. Целый шкаф остановленного времени в доме человека, который жи-

вёт по секундомеру.

Про такие вещи я знаю правило: не спрашивать. Экспонаты с табличками люди выставляют сами, когда готовы.

— Не спится? — спрашивает он, не оборачиваясь. Окуляр не двигается.

— Вода. — Я предъявляю стакан. — Сломались?

— Отстают. На четыре минуты в сутки.

— Есть мастерские.

— Мастерские торопятся.

Я перевариваю это. Человек, который кладёт часы на стол, отмеряя людям минуты, ночами возвращает время туда, где оно протекло. Единственное дело, которое он делает медленно, и делает его в темноте, когда никто не проверяет.

На краю подложки лежат вторые часы. Старее первых, ремешок потёрт до белых проплешин, стекло в царапинах. Я смотрю на них на секунду дольше, чем следовало, и Марк, не прерывая движения пинцетом, накрывает их ладонью. Не резко. Просто накрывает, как накрывают спящего.

— Спокойной ночи, Маргарита.

— Спокойной, — говорю я и уношу свою воду.

В коридоре меня догоняет мысль, простая и неудобная. В этой квартире нет фотографий и сувениров, нет следов других людей. Есть регламент, есть калибр, есть ящик с часовыми механизмами. Дом человека, к которому не приходят. Я семь лет строила такой же, только мой был из списков.

Утром всё на местах. Щётка в стакане для бритвы, сироп

между чёрными банками, на термостате его двадцать один. Мы завтракаем по регламенту: его час прошёл, мой начался, но он допивает чай на моей территории, и я не выставлю счёт. Обсуждаем график съёмок. Группа уже приезжала в среду, выставляла свет и метила штативы, теперь начинается настоящее: завтра первое «утро пары», камеры в квартире, нужно отрететировать завтрак, жесты, взгляды.

— Проверят посуду, — говорю я. — И шкафы. Влада попросит группу снять «милые мелочи», а группа снимет всё.

— Значит, к утру мелочи должны быть. — Он снимает с запястья часы и кладёт на стол между нами, циферблатом вверх: совещание открыто, время пошло. — Составьте перечень.

Я открываю телефон и завожу новый список: «Совместный быт, инсценировка. Пункт один: вторая чашка на сушилке». Где-то на пункте седьмом я останавливаюсь. Половину этих предметов покупать не придётся. Они уже здесь: чашка, плед, зарядка на кухне. Появились сами, за несколько дней, без всякого перечня, и когда успели, список не зафиксировал.

Смотрю на его часы на столе, на свой список в руке. И вижу нас со стороны, как завтра увидит камера.

Он выставляет против мира часы. Я отвечаю списком на триста пунктов. Два человека, забронировавшихся от мира одинаково, и оттого невыносимых друг для друга.

Глава 17. Завтрак

— С каким кофе я живу по утрам? — спрашиваю я вместо «добрый вечер».

Марк вешает пальто и отвечает, не моргнув:

— Сироп. Солёная карамель.

— Мимо. Сироп у меня аварийный, на дни, когда Влада звонит до восьми. Штатная комплектация: с молоком, без сахара.

— Принято.

Куда принято, неясно: ни телефона, ни блокнота. Видимо, во внутреннюю картотеку, где уже хранятся курсы валют, грехи подрядчиков и с этой минуты мой кофе.

Завтра в восемь сюда войдёт съёмочная группа, и начнётся «первое утро пары»: программа так и анонсировала, с сердечком. Анкета на сорок вопросов сшила нам прошлое, и прошлое у нас теперь безупречное, хоть в рамку. Беда в настоящем. Камера не спрашивает, где вы познакомились. Камера смотрит, кто где сидит, кто кому передаёт соль и знает ли жених, что невеста до первой чашки не человек.

Влюблённых выдаёт быт. Я сама на этом поймала три чужие пары и не собираюсь попасться на том же.

Так что ужин сегодня отменён как жанр. Вместо него допрос.

— Сторона кровати, — говорю я. — Камер в спальнях не

будет, но вопрос зададут: он в тройке любимых.

— Слева.

— Слева моя.

— Слева моя последние тридцать восемь лет.

Мы смотрим друг на друга поверх солонки. Два взрослых человека делят кровать, в которой ни один из них вдвоём не спал и спать не собирается.

— В легенде уступает тот, кто крепче спит, — предлагаю я.

— Тогда вы справа. Я просыпаюсь от лифта.

— Лифт за двумя стенами.

— Поэтому и просыпаюсь.

Вычёркиваю в заметках «я слева», вписываю «я справа». Кровать, на которой я ни разу не лежала, официально поделена.

Дальше выясняется, что я выхожу замуж за человека, о котором знаю меньше, чем о любом своём поставщике. День рождения у него в ноябре: узнаю об этом из собственного вопроса. Мой март он называет сам, без паузы, и на мой взгляд поясняет: дата стояла в графике погашения. Красивая пара. Единственные твёрдые факты друг о друге мы почерпнули из долговых документов.

Кофе он пьёт чёрный, одну чашку, без десяти шесть, после полудня к кофеину не притрагивается. Сладкого не ест вообще, никогда, ни в каком виде: с шестизэтажным тортом Влады это придётся как-то решать отдельным пунктом. Ал-

лергий нет. Спорт «по графику», что в его переводе означает: всегда.

— Странная привычка, — продолжаю я. — Настоящая, одну можно сдать: это очеловечивает.

— Я проверяю замки один раз.

— Так делают все.

— Я проверяю один раз. — Он ставит ударение на «один», и до меня доходит: привычка и есть в этой цифре. Ни второго подхода, ни третьего. Человек запретил себе перепроверять, потому что перепроверка выдаёт сомнение, а сомнений у него нет по регламенту.

Записываю: «замки, один раз». Про себя добавляю: спросить лет через пять, чего ему это стоит. Спыхватываюсь: через пять лет некому будет спрашивать, договор истекает через месяц.

— Питомцы, — говорю я. — Спросят обязательно. Второй по популярности вопрос после «кто первый признался».

— Не было. Ни в каком возрасте.

— У меня был кот. Смета.

Бровь у него приподнимается на миллиметр. По его меркам целая пантомима.

— Подобрала на монтаже в промзоне: орал внутри бетонной колонны, доставали втроём, с прорабом и вышкой. Лечение я вписала клиенту в проект строкой «непредвиденные расходы», и клиент подписал не глядя. Отсюда имя.

— Логично.

— Он умер полтора года назад. Почки. — Я ровняю вилку с краем стола. — Про него могут спросить: в соцсетях агентства он на десяти фотографиях. Отвечаем коротко и уводим тему.

— Сколько он прожил? — спрашивает Марк.

Я поднимаю глаза. Вопрос не для эфира. Этой цифрой нельзя прикрыться, её не задаст ни одна камера.

— Шесть лет.

Он кивает. Больше ничего, кивок, но допрос с этой секунды идёт теплее на градус.

— Теперь главное. — Отодвигаю тарелку. — Регламент вранья. Внезапный вопрос берёт тот, кого спросили. Второй подтверждает любую версию. Любую, без ревизии. Если я скажу, что вы поёте в душе, вы поёте в душе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.